

Ранний неолит Верхнего Поволжья: некоторые итоги изучения

Резюме. В статье рассматриваются наиболее спорные вопросы в изучении раннего неолита Верхнего Поволжья (V–IV тысячелетия до н. э.). Памятники раннего неолита в регионе характеризуются керамикой с накольчато-гребенчатым орнаментом. Традиционно их принято относить к валдайской, верхневолжской и волго-окской археологическим культурам. На основании критической оценки имеющихся данных автор заключает, что валдайская раннеолитическая культура должна скорее рассматриваться как вариант верхневолжской культуры. Автор также разделяет точку зрения Е. Л. Костылевой, А. В. Уткина, М. Г. Жилина и А. В. Энговатовой о том, что накольчатая керамика волго-окской культуры — это наиболее ранняя керамика верхневолжской культуры.

Ключевые слова: ранний неолит, Верхнее Поволжье, валдайская культура, верхневолжская культура, волго-окская культура, керамика, каменный инвентарь.

Tsvetkova N. A. Early Neolithic of the Upper Volga region. The paper summarizes the current situation in the study of the Early Neolithic of the Upper Volga basin (V–IV millennia BC). The Early Neolithic of the region is characterized by the pottery decorated with drop-shaped and comb impressions. Traditionally these assemblages were classified to the Valdai, Upper Volga and Volga-Oka cultures. However, basing on the critical evaluation of the available evidence the author comes to the conclusion that the Valdai early Neolithic culture should rather be considered a subdivision of the Upper Volga culture. Further, the author agrees with M. Zhilin, E. Kostyleva, A. Utkin, and A. Engovatova in that the Volga-Oka pottery with drop-shaped impressions represents in fact the first stage of the Upper Volga culture.

Key words: Early Neolithic, Upper Volga region, Valdai culture, Upper Volga culture, Volga-Oka culture, pottery, stone inventory.

Ранний неолит в Верхнем Поволжье достаточно сложен в культурном отношении. В специальной литературе описано три археологические культуры: валдайская (ВК), верхневолжская (ВВК) и волго-окская (ВОК), носители которых, по представлениям исследователей, контактировали друг с другом и какое-то время, возможно, сосуществовали. Итоги археологического изучения этого периода в регионе были подведены в свое время в монографии «Неолит Северной Евразии» (1996). За прошедшие пятнадцать лет объем данных существенно увеличился. Однако многие вопросы и проблемы, раскрытые не до конца из-за недостатка информации, так и остались нерешенными: по-разному определяется разными авторами культурная принадлежность ряда памятников, поверхностно охарактеризованы каменная и костяная индустрии, неясны границы ареалов археологических культур, не выяснен характер связей между ними и т. д. Необходимость критической оценки старых коллекций обусловлена также все более усложняющейся проблематикой исследований

в области раннего неолита. В первую очередь это связано с решением проблемы неолитизации лесной зоны восточной Европы.

Хронологические рамки исследования: начало ранненеолитического времени в лесной зоне связывается с появлением первых глиняных сосудов около 7,2–7,1 тыс. радиоуглеродных л. н. «Для самых ранних керамических комплексов характерны сосуды с плоским дном неорнаментированные или украшенные наколами овальной или подтреугольной формы» (Тимофеев, Зайцева 2004: 45). Это событие расценивается исследователями как внешний импульс, исходивший из областей, лежащих к югу и востоку — Приаралья и Восточного Прикаспия по В. В. Никитину (Никитин 2008: 309); Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья по Е. Л. Костылевой (Костылева 2003: 215); Балканского п-ова по В. В. Сидорову (Сидоров 1995: 73). Кардинальных изменений в хозяйственном укладе по сравнению с финально-мезолитическим временем не прослежено. Хозяйство в раннем неолите продолжает носить присваивающий характер. Проблемными вопросами остается: выделение ареалов археологических культур раннего неолита, так как из-за сходства керамики и инвентаря границы их крайне нечетки, и вопрос о формировании ранненеолитических культур: происходило ли оно на базе одной либо нескольких археологических культур позднего мезолита? Вопрос о характере неолитизации лесной зоны Европейской части России наиболее полно освещен в работах В. И. Тимофеева, Е. Л. Костылевой и В. В. Никитина (Тимофеев 2002; Тимофеев, Зайцева 2004; Тимофеев и др. 2004; Костылева, Зарецкая 2004; Никитин 2002, 2008).

Хронологически ранненеолитический период определяется временем с конца V по начало III тысячелетия до н. э., когда артефакты, относящиеся к верхневожской культуре, перестают встречаться на стоянках.

Климат в термический максимум атлантикума в результате активизации североатлантического течения и начала морской трансгрессии на территориях современного прибалтийского региона изменился и стал более теплым и влажным (Палеогеографическая основа... 1994; Динамика ландшафтных компонентов... 2002). Сходные изменения на рубеже V–IV тысячелетий до н. э. отмечены и для Верхнего Поволжья. Для этого времени зафиксировано понижение уровня воды в озерах и постепенное уменьшение количества деревьев хвойных пород. Данные процессы предположительно связываются с общей тенденцией изменения климата в регионе в сторону большей его аридизации. Следовательно, кризисные по представлениям исследователей изменения климатических условий и растительного покрова территории (смена таежных лесов широколиственными), произошедшие в период около 7,2–7,1 тыс. ¹⁴C л. н., можно рассматривать в качестве естественного рубежа между мезолитом и неолитом (Алешинская и др. 1997). Среднегодовые температуры в регионе были выше современных на 1,5–2°. Преобладали смешанные леса со значительной долей примеси березы и сосны, дуба, вяза, липы и лещины в подлеске. Отмечено также широкое развитие лугов. Как и в позднем мезолите, среди промысловых животных на первом месте остается лось. Судя по небольшому количеству костей бобра на стоянках, его роль в структуре охотничьего промысла снизилась, зато возросло значение кабана. Кости остальных лесных животных присутствуют в значительно меньшем количестве.

Как и в предшествующий период, на стоянках раннего неолита кости птиц и рыб по-прежнему многочисленны.

В термический минимум атлантикума (около 6,4 тыс. л. н.) среднегодовые температуры понизились примерно на 1°, а влажность увеличилась. С этим похолоданием связывается изменение состава лесов, в которых становятся преобладающими береза и ольха. Уменьшается роль сосны и деревьев широколиственных пород. В период 6,4–6 тыс. ¹⁴С л. н. по данным анализа палинологических спектров вновь начинается потепление (Энговатова и др. 1998), которое сменилось похолоданием в финале атлантического периода (Жилин и др. 1998).

Геоморфология: географически территория Верхнего Поволжья ограничивается бассейном р. Волга от ее истоков (дер. Волговерховье в Тверской области) до устья р. Ока. Регион характеризуется полого-равнинным рельефом с развитой гидрографической сетью. Его геоморфологическую специфику отражает сочетание таких форм рельефа, как возвышенности (Валдайская, Угличско-Даниловская и Галичско-Чухломская), низины (Костромская) и низменности (Мещерская, Унженская и Балахнинская), а также гряды (Клинско-Дмитровская). Памятники раннего неолита приурочены, как правило, к берегам водоемов: озерам, стрелкам рек, системам проточных озер и островам. Они занимают более высокое положение над уровнем воды в водоеме по сравнению с поселениями развитого неолита (Крайнов 1996: 166; Гурина 1997: 222). Однако на местах многократного заселения находки раннего неолита перемешаны с артефактами более поздних археологических периодов. В редких случаях, в шлейфах, тянущихся с суходола (берега озер и речные террасы) в торфяник (например, Языково 1, Окаево 18, Сахтыш 2а, Становое 4), фиксируются стерильные прослойки между культурными слоями. Их образование связано с климатическими колебаниями и сопутствующими им процессами смены режимов водоемов.

Валдайская культура (ВК)

Валдайская археологическая культура выделена Н. Н. Гуриной в 1958 г. на основании технико-морфологического анализа изделий из камня и керамики со стоянок, располагающихся по берегам Верхневолжской системы озер. Дополнительными источниками послужили артефакты из сборов П. Романченко и Г. Кандыбы, Н. К. Рериха и П. П. Ефименко с оз. Пирос, Кафтино и Валдай, Л. Х. Репмана, вошедшие в литературу под названием «верхневолжских макролитов» (Гурина 1958).

История изучения. С 1955 г. работы по исследованию стоянок этого времени проводились Верхневолжской неолитической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной, а в 1990-х гг. — Валдайской (Тверской) экспедицией ИИМК РАН под руководством Г. В. Сеницыной. Результатом полувековых исследований стало обнаружение и исследование около 200 памятников мезолита-неолита. Часть их опубликована (Гурина 1958, 1961, 1996, 1970; Гаврилова 1962; Каменный век верхневолжского региона 1995; Верещагина 1997; Тимофеев 1996, 1997; Шумкин 1997; Крылова 1986, 1988, 1997; Сеницына 1997, 2000, 2006; Сеницына, Зарецкая 2002; Сеницына, Колокольцев 2007).

Помимо ввода в научный оборот материалов валдайской культуры исследователями решались такие вопросы, как установление ее территории, относительной и абсолютной хронологии, генезиса, характера взаимодействия с археологическими культурами сопредельных регионов и т. д. Наряду с термином «валдайская культура» употребляются также уточняющие понятия — «поздне-мезолитическая валдайская культура» (Синицына 1994: 36), «валдайская ранне-неолитическая культура» (Ошибкина 2006: 249).

Как справедливо отмечено А. В. Энговатовой, целостное представление о культуре до сих пор отсутствует (Энговатова 1994: 58). По имеющимся публикациям можно составить вполне определенное представление о валдайской археологической культуре в целом и ее ранне-неолитическом этапе в частности.

Территория ВК: определяется в пределах юго-западной части Новгородской, восточной части Псковской и западной части Тверской (в пределах Валдайской возвышенности) областей. Основная часть памятников раннего неолита концентрируется вокруг системы Верхневолжских озер. Предварительно Н. Н. Гуриной были намечены три провинции внутри культуры (рис. 1, 2). В северную группу вошли стоянки на озерах Валдай, Пирос, Тубас, Мстино и др.; к западной были отнесены памятники озер Селигер, Пено, Охват, р. Торопа и др.; южная группа представлена стоянками по р. Волга от с. Селижарово до г. Ржев и, возможно, г. Тверь. С каждой из этих групп стоянок связывались некоторые индивидуальные черты в инвентаре (Гурина 1958: 42–43).

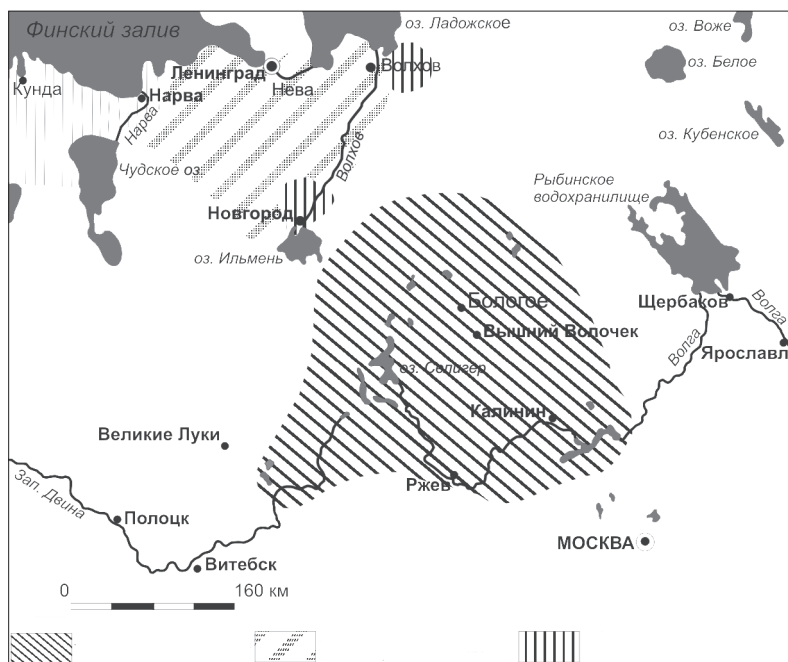

Рис. 1. Территория распространения памятников валдайской культуры (по Гуриной 1958).

Fig. 1. Valdai culture sites distribution (Gurina 1958).

Памятники ВК (см. рис. 6: А): из раскопанных двух с лишним сотен памятников на 23 обнаружены ранне-неолитическая керамика и сопутствующий ей каменный инвентарь. Эти памятники — Котчище 1, 2; Нилова Пустынь, Залесье 1, 2; Нижние Котицы 1, 5; Гринино 1 (Засыпь 1); Замошенка 1, Твердякино 3, Зехново 1, 3; Дубовец (Пено 3); Тиница 1, 2; Ланино 1, 2; Заболотье 1, 2; Щепочник; Белый Плав, Остров Кошелев, Бологое. Все они относятся к типу стоянок, на которых не сохраняются находки из органических материалов. Торфяниковые поселения для валдайской культуры пока неизвестны.

В качестве эталонных для раннего этапа культуры Н. Н. Гурина рассматривала стоянки Котчище 1 и 2 в Тверской области.

Хронология и периодизация ВК: первоначально верхняя хронологическая граница ВК была определена посредством изучения орнаментов на керамике и особенностей каменной индустрии. Вопрос о возрасте нижней хронологической границы долгое время оставался открытым, отмечалось лишь, что «в части кремневого инвентаря... прослеживаются некоторые мезолитические черты» (Гурина 1958: 45). Затем, с появлением новых данных, было установлено возникновение культуры в позднем мезолите (Гурина 1984: 178–181; 1997: 222; Синицына 1997: 18). «Доказательством ... служит наличие в неолите ярко выраженных орудий мезолитических типов, свидетельствующих о генетической преемственности неолитической культуры от столь же своеобразной поздне-мезолитической» (Гурина 1997: 222).

Таким образом, существование ВК укладывается в хронологические рамки с конца мезолита до начала энеолита. Абсолютная хронология ранне-неолитического этапа на сегодня основывается на шести радиоуглеродных датировках (табл. 1). Нижняя граница его определяется датой из поселения Нижние Котицы — 6860 ± 100 (ГИН-1333), а верхняя — датой $5910 \pm 117 (\pm 680)$, полученной для поселения Ланино 2 (здесь и далее приведены некалиброванные даты). Примечательно, что, следуя сложившейся в историографии традиции (Гурина 1989: 68, Верещагина 1997: 74), поселение Нижние Котицы обычно рассматривается как памятник финального мезолита, несмотря на то что однородный «мезолитический» материал (Верещагина 1997: 74) сопровождается накольчатой керамикой.

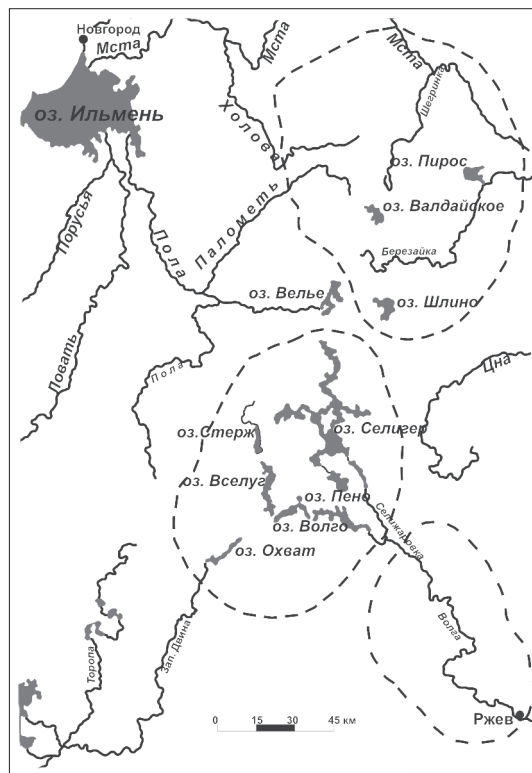

Рис. 2. Предполагаемые провинции валдайской культуры (по Гуриной 1958).

Fig. 2. Valdai culture assumed provinces (by Gurina 1958).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты ранненеолитического этапа валдайской культуры
(по Г. В. Сеницыной 2002)

Залесье 1	6530 ± 50	ЛЕ-1144	Древесный уголь
Нижние Котицы	6860 ± 100	ЛЕ-1333	Древесный уголь
Ланино 1	6440 ± 370	ЛЕ-4347	Древесный уголь
Подол 3	6010 ± 50	ЛЕ-5172	Древесный уголь
Ланино 2	5910 ± 170 (± 680)	ЛЕ-3299	Древесный уголь
Ланино 2	6296 ± 260	ЛЕ-3298	Древесный уголь

Керамика и каменный инвентарь: интересующий нас ранненеолитический этап культуры связывается с изготовлением и использованием посуды так называемого «котчищенского типа» (Гаврилова 1962) — небольшими тонкостенными (до 8 мм) сосудами с прямым краем, острым дном и широким открытым горлом, орнаментированными наколами, субгоризонтальными линиями, нанесенными в технике «отступающей лопаточки», ямчатыми вдавлениями и «пунктирным», поверхностно нанесенным гребенчатым штампом (рис. 3). Внешняя

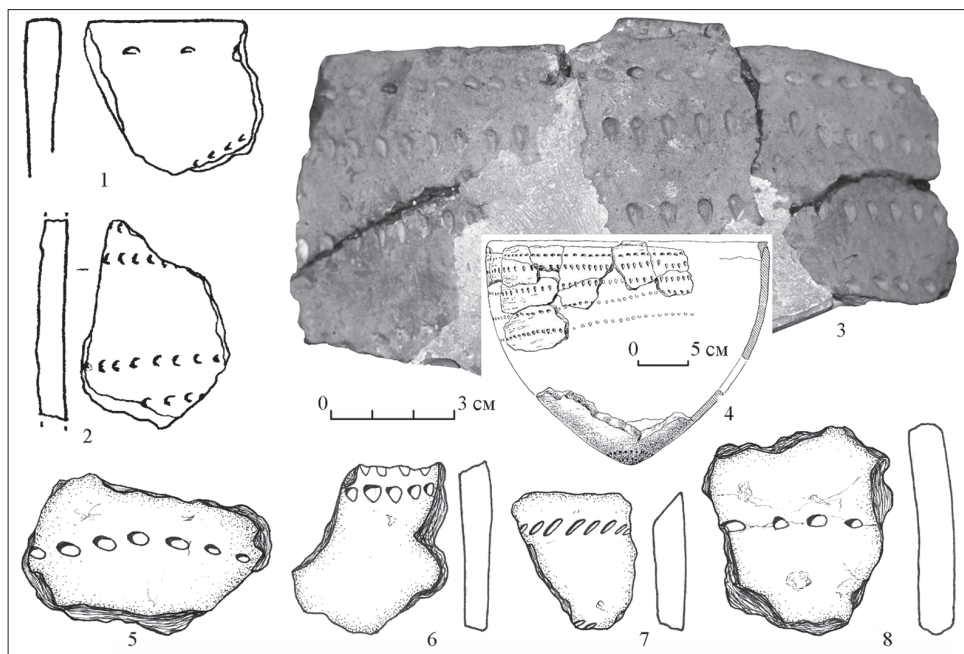

Рис. 3. Керамика «кочищенского типа»: 1, 2 — фрагменты сосудов с поселения Залесье 1 (по Тимофееву 1997); 3 — фото фрагмента сосуда со стоянки Котчище; 4 — реконструкция сосуда со стоянки Котчище (по Гуриной 1996); 5–8 — фрагменты сосудов со стоянки Котчище.

Fig. 3. «Kotchische 1 type» pottery: 1, 2 — vessel fragments from the site Zales'e (Timofeev 1997); 3 — photo of a vessel fragment from Kotchische 1; 4 — reconstruction of a vessel from Kotchische 1 (after Gurina); 5–8 — vessel fragments from Kotchische 1.

поверхность их, как правило, залощена; на внутренней стороне видны расчески. Примесью к глине служит шамот (Гурина 1996: 189–192; 1997: 224).

Основным видом сырья для каменной индустрии является рыжий и серый кремнь местного происхождения. Он характеризуется невысоким качеством: шероховатой поверхностью, различными дефектами желваков и низкой пластичностью. Единичные предметы изготовлены из сиреневого кремня хорошего качества, также местного происхождения (Синицына 1997: 15, 16; 2002: 206; 2006: 40; Синицына, Колокольцев 2007: 47–48).

Кремневый инвентарь сохраняет мезолитические традиции (рис. 4, 5). «Из мезолитической индустрии в ранний неолит переходят наконечники стрел на пластинах с частичной ретушью по острию и черешку... Мезолитические традиции в раннем неолите отражают и острообушные топоры с частичной обработкой, тесла и топоры “валдайского” типа, крупные подокруглые скребки на специальных отщепах, угловые резцы на отщепах...» (Гурина 1997: 224).

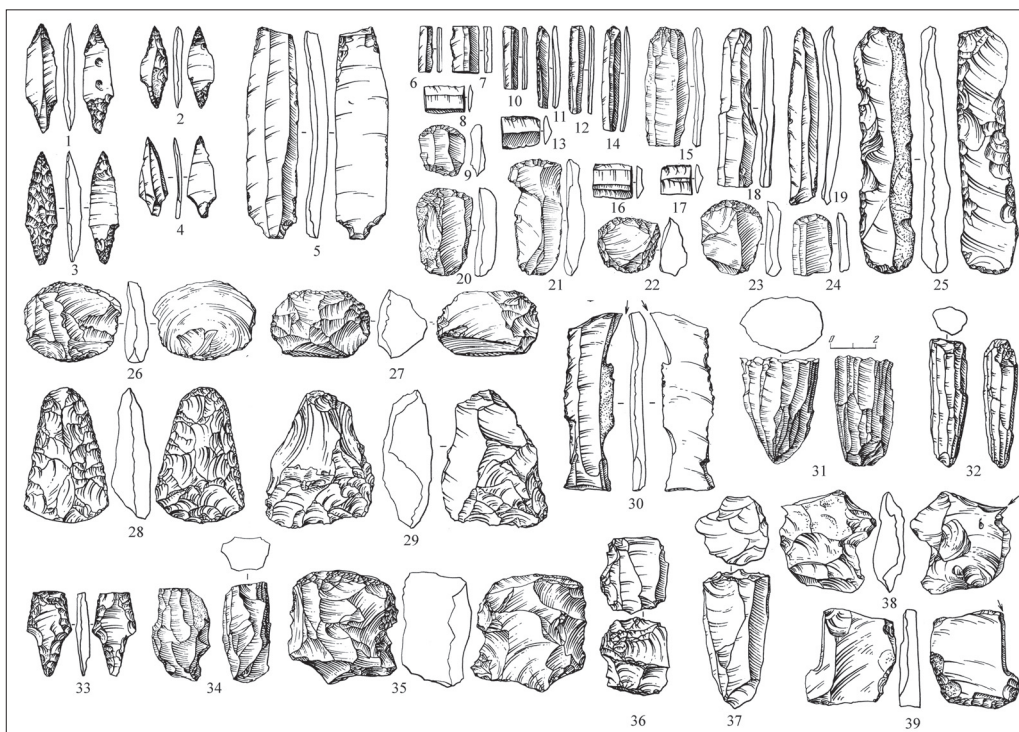

Рис. 4. Каменный инвентарь мезолитического этапа валдайской культуры (по Гуриной 1989).

Fig. 4. Stone industry of the Mesolithic stage of Valdai culture (Gurina 1989).

В качестве заготовок выступают как пластины, так и отщепы. Для ранне-неолитической кремневой индустрии характерны наконечники стрел с выделенным черешком, наконечники копий ромбовидной формы, скребла длиной до 10 см. Многочисленны сечения ножевидных пластин, а также ножи — прямоугольные,

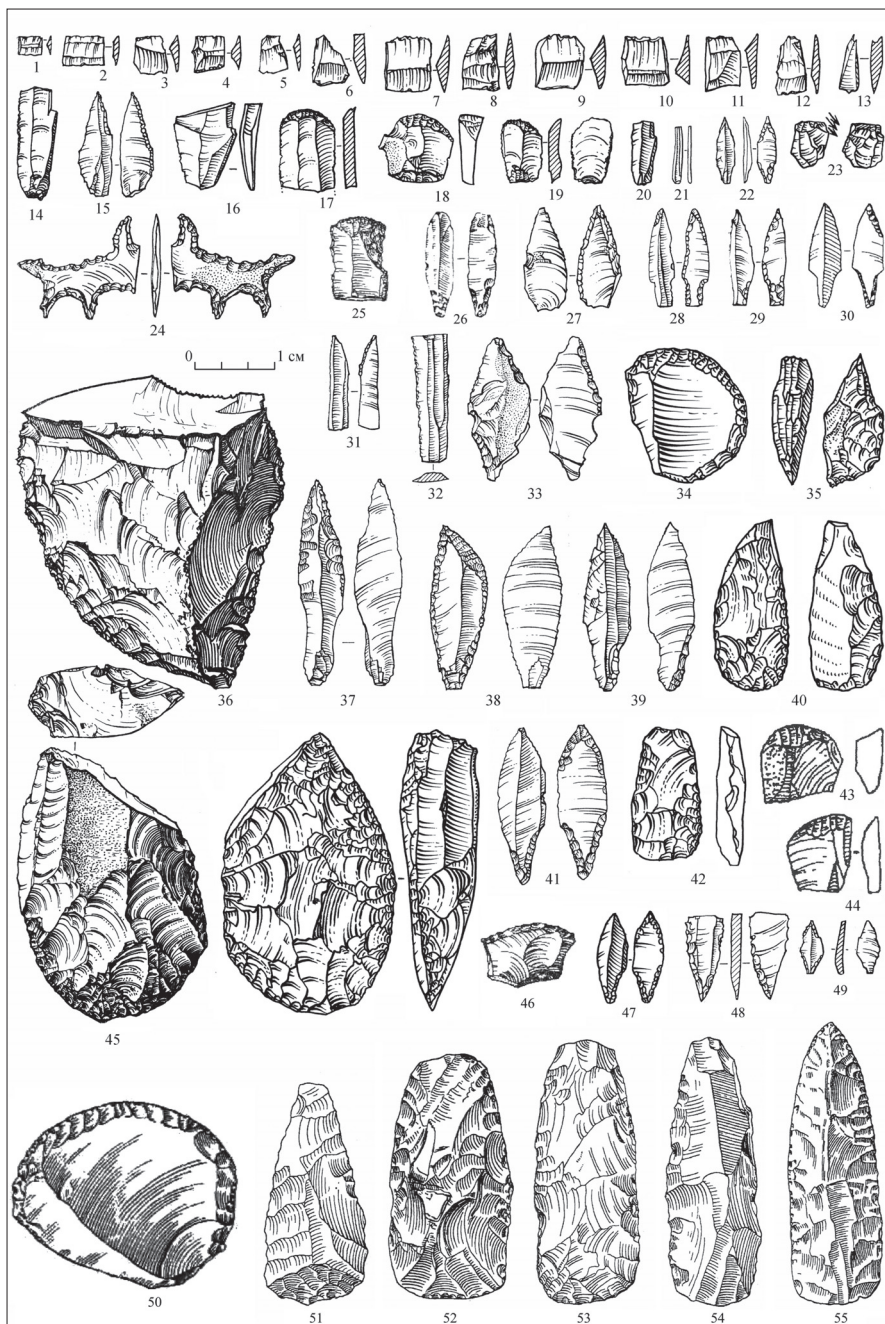

Рис. 5. 1–50 — каменный инвентарь раннеолитического этапа валдайской культуры (по Гуриной 1970, 1996); 51–57 — деревообрабатывающие орудия валдайской культуры (по Гуриной 1958).

Fig. 5. 1–50 — stone industry of Early Neolithic stage of Valdai culture (Gurina 1970, 1996); 51–57 — Valdai culture woodworking tools (Gurina 1958).

трапецевидные, подтреугольные, как правило, без регулярной вторичной обработки (на углах встречается микрорезцовый скол). Своеобразие культуры проявляется в наличии макроформ. Многочисленны рубящие двусторонне ретушированные орудия: крупные (до 18×5 см) удлинненно-овальные, суженные к обуху; острообушные, обработанные с одной стороны сплошной, со второй — частичной ретушью; мелкие топорики (7×3,5 см) с узким обухом, нередко с косым лезвием, оформленные крупной, а по краям мелкой ретушью; толстообушные топорики (7×3 см) подчетырёхугольных очертаний с прямым лезвием; острообушковые тесла с округлой или подтреугольной, иногда пришлифованной выемкой. Встречены также нуклеусы крупных размеров, с которых скалывались пластинчатые отщепы, а также дисковидные нуклеусы, с которых снимались поперечно-ориентированные отщепы, нуклеусы торцового скалывания и двугранные нуклеусы-резцы... Среди орудий наиболее выразительны крупные изделия, такие как поперечные и угловые резцы, массивные скребки «валдайского типа», ножи на пластинчатых заготовках, характерные для неолитического этапа культуры (Гурина 1958, 1996; Сеницына 2002: 206).

Генезис и культурные связи ВК: первоначально вопрос о возникновении валдайской культуры рассматривался с точки зрения сходства верхневолжских материалов с мезолитическими индустриями соседних регионов: Литвы и Западной Белоруссии (неманская культура), а также бутовской культуры в Волго-Окском междуречье (Гурина 1989: 63). Впоследствии, с появлением новых данных, ее возникновение связывалось с местным автохтонным населением (Сеницына 1994).

Открытым остается вопрос о том, что такое раннеолитический этап валдайской культуры. Следует ли его рассматривать в качестве одного из этапов археологической культуры, существовавшей в позднем мезолите — неолите на Валдайской возвышенности, или же это локальный вариант культуры верхневолжской? В работах Д. А. Крайнова и его учеников раннеолитические памятники Валдайской возвышенности рассматриваются в качестве западного локального варианта верхневолжской культуры (Крайнов, Хотинский 1977; Крайнов 1996; Костылева 1987). В трудах представителей ленинградской школы валдайская культура — это самостоятельное явление в рамках отдельного региона, существовавшая с конца мезолита до начала II тыс. до н. э. (Гурина 1996; Сеницына, Зарецкая 2002; Тимофеев, Зайцева 2004; Тимофеев и др. 2004). Последними, однако, признается влияние бутовской культуры в мезолите и верхневолжской — в раннем неолите. Так, например, Г. В. Сеницына считает, что по материалам поселения Ланино 1 «влияние бутовцев бесспорно прослеживается, ... по материалам III и IV сырьевых групп <...> это отражает контакты местного населения с соседними племенами» (Сеницына 1997: 21); «на этапе раннего неолита прослежено много сходных черт у валдайской и верхневолжской культур, прежде всего в керамике» (Сеницына 2002: 207).

Прослеживаются также культурные связи с раннеолитическим населением Двинско-Ловатского междуречья: «На памятнике Сертея X отмечено несколько скоплений керамики с овальными тычками... на поселении Сертея XIV... керамика фазы “с” ... наследует традиции изготовления ракушечноярской орнаментированной керамики, получившей большое распространение в лесной зоне Восточной Европы, в том числе и на Валдае... наличие двухкамерного

Памятники ВВК: согласно сведениям, приведенным в издании «Археологическая карта России» (1994, 1995а, б, в, г, д; 1999, 2007; Комаров 2003а, б; 2004), известно 213 памятников верхневолжской культуры (рис. 6). Большая часть из них — стоянки и поселения с нечеткой стратиграфией, в культурных отложениях которых не сохраняются изделия из органических материалов. Важным является наличие четко стратифицированных торфяниковых поселений.

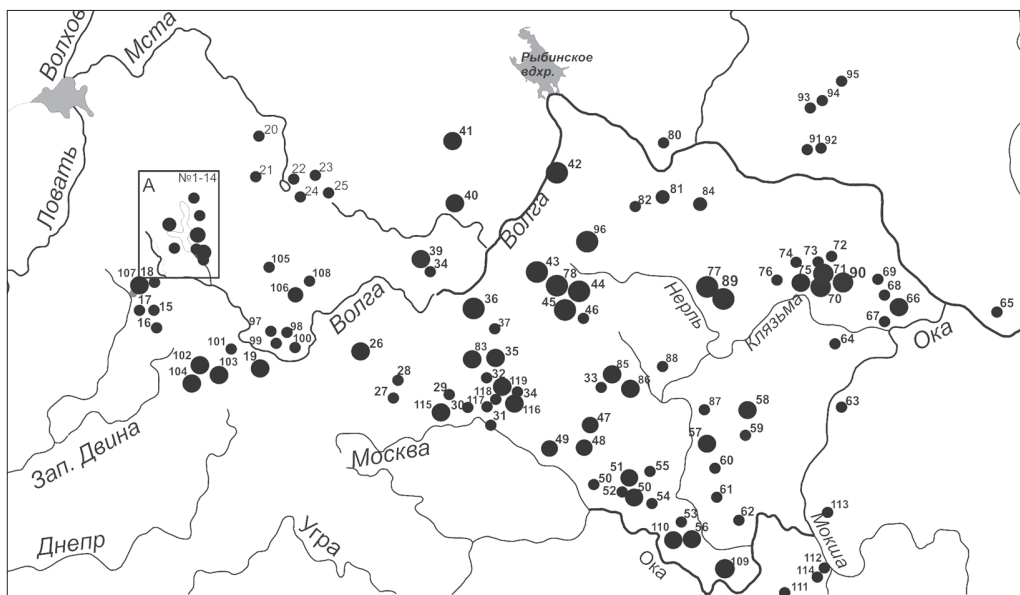

Рис. 6. Памятники верхневолжской культуры (по Крайнову 1996, дополнено Н. А. Цветковой): 1 — Заболотье 1, 2; 2 — Замошенка; 3 — Остров Кошелев; 4 — Котчище 1, 2; 5 — Щепочник; 6 — Гридино 1; 7 — Твердякино 3, Нилова Пустынь; 8 — Залесье 1, 2; 9 — Зехново 1, 3; 10 — Нижние Котицы 1, 5; 11 — Дубовец (Пено 3); 12 — Тиница 1, 2; 13 — Ланино 1, 2; 14 — Белый Плав; 15 — Романово 1; 16 — Глазово 3, 4, 5; 17 — Скрабы 3; 18 — Ронское 1; 19 — Озерки 1, 5, 15–17; 20 — Репище; 21 — Бологое; 22 — Тришкина Нива; 23 — Рябиновая Релка; 24 — Федорова Будка; 25 — Ивановско 1; 26 — Альба 1, 3, 8, Рыбаки 1, 2, Мышецкая; 27 — Завирье 1; 28 — Берендеево 2а; 29 — Тростенское озеро (Никольская Правая) 1, 12; 30 — Льялово; 31 — Бисерово озеро; 32 — Давыдково; 33 — Заречье (группа); 34 — Воймежное I; 35 — Замостье 2; 36 — Николо-Перевоз 1, 3 (Сушево 1, 2); 37 — Торговище 1, 2; 38 — Петровская; 39 — Спасская 1, 2, 4, Гливистенка; 40 — Языково 1, 3, 4; 41 — Барская Лядка 1, 2; 42 — Золоторучье 1, 3; 43 — Ивановское 3, 5, 7; 44 — Кухмарь 1, 3, Сомино 2, Щербинино 1; 45 — Плещеево 1, Торговище 2в, Барановский 3, Яга 2; 46 — Польцо; 47 — Луково озеро 1, 2, 3; 48 — Беливо 1, 2, 21; 49 — Маслово болото 1–5, 7; 50 — Беломутово 1 (Черный нос), Беломутово 3; 51 — Тереньково 1, 3, 4; 52 — Жабки 3; 53 — Черная Гора; 54 — Ловецкий Городок; 55 — Коренец 1; Фефелов Бор 2; 56 — Нармус, Лосево, Деево 2, Вешни, Стоянка 171 км; 57 — Спорный Бугор, Колпинская 1 (Колпь); 58 — Заречье 2; 59 — Алешунино; 60 — Ушмар 1, 3; 61 — Владычино Боровая; 62 — Ибердус; 63 — Волосово; 64 — Холмомониха; 65 — Черная Маза; 66 — Шадрино 4, 5, 7; 67 — Сейма I; 68 — Стрелка 2; 69 — Боринка 2; 70 — Алексеевское 1, 3, 4, Ореховое 1, 2, 4, 6, 9, 3, 4; 71 — Стрелка 1, 2; Поляна; 72 — Боринка 2; 73 — Клячино; 74 — Косячево 1, 2; 75 — Завьялка 1, 2; 76 — Малая Ламна I; 77 — Сахтыш 1–8, 2а; 78 — Ивановское 3, 5, 7; 79 — Уница; 80 — Ворокса 2; 81 — Романово, Хмельники; 82 — Щербинино 1; 83 — Окаево 3, 5, 18; 84 — Становое 4; 85 — Годуново, Малье Вески 1, Чернецкое 3; 86 — Борок 1, 2 (Находное озеро 1, 2), Чаша; 87 — Овечкино; 88 — Воскресенская Слободка (Старица 3); 89 — Ключково 2, Польки 1, 3; 90 — Святое 1, Сергеево 2, 3, Талицы 1 (Никольское), Талицы 2 (Чистое), Тарантаево 2; 91 — Марковица; 92 — Сосновка 7 (Осиновый Лог 5); 93 — Ножкино 1; 94 — Федоровское 4; 95 — Федоровское поселение; 96 — Уница, Караш, Варос (Поречь — Рыбное); 97 — Дорки 8 (Дорки 13); 98 — Орехово; 99 — Новоалексеевское 1; 100 — Соломино 2 (Соломино 3); 101 — Богданово 1; 102 — Ломти 3, 5; 103 — Макеево 2, 3, Дербиш 4; 104 — Шлыки 3, 8–11; 105 — Гараж 1; 106 — Околица 1-я 3, 4; 107 — Бобровец 45,

Вопрос об опорных памятниках по-прежнему остается открытым. Эталонными на момент выделения ВВК Д. А. Крайнов считал поселения Ивановское 3 в Ярославской области, Языково 1 в Тверской области и Сахтыш 1 в Ивановской области (Крайнов, Хотинский 1977: 43). В качестве основного критерия отнесения их к числу эталонных выступало стратиграфическое положение культурных слоев с накольчато-гребенчатой керамикой под слоями, содержащими ямочно-гребенчатую посуду. С этой позиции перечисленные выше памятники, безусловно, могут считаться опорными, но только для доказательства их ранненеолитического возраста. Е. Л. Костылева проанализировала керамику с 14 опорных памятников (Костылева 1987). По мере усложнения проблематики изучения верхневолжской культуры акценты выделения эталонных памятников сместились, количество последних сократилось. Среди четко стратифицированных стоянок с чистыми комплексами А. В. Энговатова и М. Г. Жилин рассматривают Окаево 5, 18, Озерки 5, 17, Беливо 2, Альбу 1, Давыдовскую, Шадрино 4, Воймежное 1, Берендеево 2а, Золоторучье 3, Караш 3 (Энговатова и др. 1998; Энговатова 1998). Некоторые коррективы внес А. С. Смирнов. Из

Микшино 2 (Новоселки); 108 — Дмитровское 4 (Черная Грязь 1); 109 — Старый Киструс, Одоевские Фермы 2; 110 — Владычино 1, 2, Шарара 1, 3, 4, Барское (группа), Маньшино 1, 2, Ненашкино; 111 — Лесное Конобеево 18; 112 — Мыс Доброй Надежды 1; 113 — Лебяжий Бор (Морище); 114 — Надеино 3; 115 — Скирманово, Усть-Рассоха (Агафидово); 116 — Ушмарь 2, Святое Озеро 2; 117 — Редькино; 118 — Саурово 5 (Саурово 6); 119 — Заволенье (Стоянка Усть-Вольная), Соболево 1, Тереньково 1 (Тереньково 4), Тереньково 4 (Тереньково 5б), Пирютино 1, 2 (Пирютино 3).

Fig. 6. The Upper Volga culture sites (by Krainov, modified by N. Tsvetkova): 1 — Zabolot'e 1, 2; 2 — Zamoshenka; 3 — Koshlelev Island; 4 — Kotchische 1, 2; 5 — Schepochnik; 6 — Grinino 1; 7 — Tverdyakino 3, Nilova Pustyn'; 8 — Zales'e 1, 2; 9 — Zekhnovo 1, 3; 10 — Nizhnie Kotitsy 1, 5; 11 — Dubovets (Peno 3); 12 — Tinitza 1, 2; 13 — Lanino 1, 2; 14 — Belyi Plav; 15 — Romanovo 1; 16 — Glazovo 3, 4, 5; 17 — Skpaby 3; 18 — Ronskoe 1; 19 — Ozerki 1, 5, 15-17; 20 — Repische; 21 — Bologoe; 22 — Trishkina Niva; 23 — Ryabinovaya Relka; 24 — Fedorova Budka; 25 — Ivanokovo 1; 26 — Al'ba 1, 3, 8, Rybaki 1, 2; 27 — Zavr'e 1, Myshetskaya; 28 — Berendevo 2a; 29 — Trostenskoe ozero (Nicol'skaya pravaya), 1, 12; 30 — L'yalovo; 31 — Biserovo Ozero; 32 — Davydovo; 33 — Zarech'e (group); 34 — Voimezhnoe 1; 35 — Zamost'e 2, 5, 5; 36 — Nikolo-Perevoz 1, 3 (Suschevo 1, 2); 37 — Torgovicshe 1, 2; 38 — Petrovskaya; 39 — Spasskaya 1, 2, 4, Glivistenka; 40 — Yazykovo 1, 3, 4; 41 — Barskaya Lyadka 1, 2; 42 — Zolotoruch'e 1, 3; 43 — Ivanovskoe 3, 5, 7; 44 — Kukhmar' 1, 3, Somino 2, Scherbinino 1; 45 — Plescheevo 1, Torgovische 2в, Baranovskii 3, Yaga 2; 46 — Pol'tso; 47 — Lukovo Ozero 1, 2, 3; 48 — Belivo 1, 2, 21; 49 — Maslovo Boloto 1-5, 7; 50 — Belomutovo 1 (Chernyi nos), Belomutovo 3; 51 — Teren'kovo 1, 3, 4; 52 — Zhabki 3; 53 — Chernaya Gora; 54 — Lovetskii Gorodok; 55 — Korenets 1, Fefelov Bor 2; 56 — Narmus, Losevo, Deevo 2, Veshni, Site 171 km; 57 — Sporanyi Bugor, Kolpinskaya 1 (Kolp'); 58 — Zarech'e 2; 59 — Aleshunino; 60 — Ushmar 1, 3; 61 — Vladychino Borovaya; 62 — Iberdus; 63 — Volosovo; 64 — Kholomonikha; 65 — Chernya Maza; 66 — Shadrino 4, 5, 7; 67 — Seima 1; 68 — Strelka 2; 69 — Borinka 2; 70 — Alekseevskoe 1, 3, 4; Orekhovo 1, 2, 4, 6, 9; 71 — Strelka 1, 2, Polyana; 72 — Borinka 2; 73 — Klyachino; 74 — Kosyachevo 1, 2; 75 — Zav'yalka 1, 2; 76 — Malaya Lamna 1; 77 — Sakhtysh 1-8, 2a; 78 — Ivanovskoye 3, 5, 7; 79 — Unitsa; 80 — Vororksa 2; 81 — Romanovo; Khmel'niki; 82 — Scherbinino 1; 83 — Okaemovo 3, 5, 18; 84 — Stanovoye 4; 85 — Godunovo, Malye Veski 1, Chernetskoe 3; 86 — Borok 1, 2 (Nakhodnoe ozero 1, 2), Chasha; 87 — Ovechkinno; 88 — Voskresenskaya Slobodka (Staritsa 3); 89 — Klochkovo 2, Pol'ki 1, 3; 90 — Svyatoe 1, 3, Sergeev 2, 3, Talitsy 1 (Nicol'skoye), Talitsy 2 (Chistoe), Tarantaev 2; 91 — Markovitsa; 92 — Sosnovka 7 (Osinovyi Log 5); 93 — Nozhkino 1; 94 — Fedorovskoe 4; 95 — Fedorovskoe site; 96 — Unitsa, Karash, Varos (Porech'e Rybnoe); 97 — Dorki 8 (Dorki 13); 98 — Orekhovo; 99 — Novoalekseevskoe 1; 100 — Solomino 2 (Solomino 3); 101 — Bogdanovo 1; 102 — Lomti 3, 5; 103 — Makeevo 2, 3, Derbish 4; 104 — Shlyki 3-8, 11; 105 — Garazh 1; 106 — First Okolitsa 3, 4; 107 — Bobrovets 45, Mikshino (Novoselki); 108 — Dmitrovskoe 4 (Chernaya Grazy 1); 109 — Staryi Kistrus, Odoevskie Fermy 2; 110 — Vladychino 1, 2, Sharaga 1, 3, 4; Barskoe (group), Man'shino 1, 2, Nenashkino; 111 — Lesnoe Konobeevo 18; 112 — Mys Dobroi Nadezhdy 1; 113 — Lebyazhii Bor (Morische); 114 — Nadeino 3; 115 — Skirmanovo, Ust'-Rassokha (Агафидово); 116 — Ushmar' 2, Svyatoe Ozero; 117 — Red'kino; 118 — Saurovo 5 (Saurovo 6); 119 — Zavoлен'e (Ust'-Vol'naya site), Soboлеvo 1, Teren'kovo 1 (Teren'kovo 4), Teren'kovo 4 (Teren'kovo 5b), Piriutino 1, 2 (Piriutino 3).

списка опорных им были исключены Давыдовская, Беливо 2а, Озерки 5, 17 (Смирнов 2004). Е. Л. Костылева отмечает, исходя из распространенной стратиграфической позиции, когда раннеолитические слои подстилаются позднемезолитическими, что «многие мезолитические изделия с таких памятников интерпретировались (ранее. — *Н. Ц.*) как раннеолитические» (Костылева 2003: 213). Наличие мезолитической примеси допускается на Сахтыше 2, 8, Польце, Плещееве 1, Малой Ламне, Шадрине 4 и др. К эталонным ею отнесены торфяниковые надежно стратифицированные поселения — Ивановское 3, 7, Сахтыш 2а (раскоп 2), Становое 4, Озерки 5, Замостье 2 (Костылева 2003: 213).

Хронология и периодизация ВВК. Хронология культуры несколько раз пересматривалась и корректировалась (Крайнов, Хотинский 1997; Энговатова 2000; Энговатова и др. 1998; Зарецкая, Костылева, Зарецкая 2004; Костылева 2008). Сейчас для верхневолжской культуры имеется 71 радиоуглеродная датировка (табл. 2, рис. 7). Время ее существования определяется хронологическими рамками с 7100/7000 до 6000/5900 радиоуглеродных л. н. Принята трехчленная периодизация ВВК. Первый этап определяется временем 7200/7000–6500 л. н. Он отражает переход к неолиту на территории Волго-Окского междуречья, который происходил неравномерно и постепенно. Массовое распространение керамики начинается в регионе не ранее 6800 л. н. (Зарецкая, Костылева 2008: 12, 13). Датированные памятники этого времени — Сахтыш 2а, 8, Становое 4 (к. с. II) в Ивановской области; Беливо 2, Замостье 2, Окаево 5, 18 в Московской области; Берендеево 1, 2а, Ивановское 2, 3, 7 в Ярославской области и Озерки 5 (слой III), Языково 1 в Тверской области (рис. 7). Второй этап соотносится с похолоданием, произошедшим около 6500–6400 л. н. Находки этого времени происходят с памятников Воймежное 1, Жабки 3 в Московской области, Ивановское 3, Сахтыш 2а, Становое 4, Озерки 5 (рис. 7). Заключительный этап соответствует временному интервалу с 6400 до 6000 л. н. Он представлен такими стоянками, как Жабки 3, Замостье 2, Ивановское 2, 3, 7, Озерки 5, Языково 1 (рис. 7). Для каждого из этапов в облике керамики и инвентаря отмечаются некоторые особенности.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты верхневолжской раннеолитической культуры (по Тимофееву и др., 2004 (1); Зарецкой, Костылевой, 2008 (2); Лозовскому, 2003а (3); Выборнову, Костылевой 2009 (4); Энговатовой 1997 (5); Жилину 2006 (6); Жилину 2002 (7))

1	Берендеево 2а	7270 + 80	Ле-1585	Дерево	1
2	Беливо 2	7180 ± 60	ГИН-4726	Уголь из кострища	2
3	Берендеево 1	7050 + 80	Ле-1576	Дерево	1
4	Воймежное 1	6550 + 100	ГИН-6868	?	1
5	Берендеево 2а	7240 + 80	Ле-1561	Дерево	1
6	Берендеево 2а	7080 + 80	Ле-1560	Дерево	1
7	Берендеево 2а	6930 + 70	Ле-1585	Дерево	1
8	Берендеево 2а	6780 + 70	Ле-1586	Уголь	1
9	Вашутинская	6820 + 80	Ле-2607	Уголь	1
10	Воймежное 1	6430 ± 40	ГИН-5926	Дерево обр.	5
11	Воймежное 1	6550 ± 100	ГИН-6868	Уголь из очага	5
11	Жабки 3	6870 + 100	ГИН-2767	Уголь	1
12	Жабки 3	6460 + 160	ГИН-3214	Уголь	1

Продолжение табл. 2

13	Замостье 2	6680 ± 100	ГИН-6198	Торф	3
14	Замостье 2	6290 + 40	ГИН-7985	Торф	3
15	Замостье 2	7200 ± 90	ГИН-7988	Кость	3
16	Замостье 2	6850 ± 60	ГИН-6557	Раковины	3
17	Замостье 2	6250 + 100	ГИН-6199	Торф	3
18	Замостье 2	7000 ± 70	ГИН-7986	Дерево	3
19	Замостье 2	7050 ± 40	ГИН-6564	Торф	3
20	Ивановское 7	6690 ± 110; 6670 ± 140	ГИН-9359	Погреб. почва	2
21	Ивановское 7	7100 ± 110; 7220 ± 90	ГИН-9360	Погреб. почва	2
22	Ивановское 2	7080 + 80	Ле-1950	Дерево	1
23	Ивановское 2	6270 + 80	Ле-1974	Дерево	1
24	Ивановское 3	7110 + 80	Ле-1972	?	1
25	Ивановское 3	7010 + 70	Ле-1250	Торф	1
26	Ивановское 3	6980 + 80	Ле-1949	Дерево	1
27	Ивановское 3	6930 + 80	Ле-1904	Дерево	1
28	Ивановское 3	6900 + 70	Ле-1948	Дерево	1
29	Ивановское 3	6860 + 70	Ле-1911	Дерево	1
30	Ивановское 3	6690 + 70	Ле-1913	Уголь	1
31	Ивановское 3	6570 + 80	Ле-1970	Дерево	1
32	Ивановское 3	6500 + 50	ИГАН-71	Сапрпель	1
33	Ивановское 3	6360 + 80	Ле-1978	Дерево	1
34	Ивановское 3	6370 + 70	Ле-1973	Дерево	1
35	Ивановское 3	6350 + 70	Ле-3097	Дерево	1
36	Ивановское 3	6300 + 40	ИГАН-160	Сапрпель	1
37	Ивановское 3	6210 + 60	Ле-3094	Дерево	1
38	Ивановское 3	6930 ± 80	Ле-1904	Дерево	2
39	Ивановское 3	7010 ± 70	Ле-1250	Торф	2
40	Ивановское 3, к.с. III	6540 + 70	Ле-1935	Уголь	1
41	Ивановское 7	7170 + 40	ИГАН-95	Сапрпель	1
42	Ивановское 7	6970 + 70	ИГАН-96	Гуминовые кислоты	1
43	Ивановское 7	6670 + 70	ИГАН-92	Обугленное дерево	1
44	Ивановское 7	6100 + 40	ИГАН-94	Дерево	1
45	Ивановское 7	6970 ± 60	ИГАН-96	Почва	2
46	Никольская правая	6470 + 70	Ле-2055	Дерево	1
47	Озерки 5, сл. 2а	6450 ± 160	ГИН-7215	Щепки	6
49	Окаемово 5	6800 + 140	Гин-6193	Сапрпель	1
50	Окаемово 18	6800 + 60	ГИН-6416	Череп лося	1
51	Сахтыш 2а	6740 ± 90	Кі-14556	Керамика	4
52	Сахтыш 2а	6690 ± 90	Кі-14554	Керамика	4
53	Сахтыш 2а	6410 ± 90	Кі-14557	Керамика	4
54	Сахтыш 2а	6290 ± 90	Кі-14555	Керамика	4
55	Сахтыш 2а	6500 ± 100	ГИН - 10924	Нагар	2
56	Сахтыш 2а	6650 ± 100	ГИН-12989	Нагар	2
57	Сахтыш 2а	6760 ± 110	ГИН-12988	Нагар	2
58	Сахтыш 2а	6830 ± 40	ГИН-12985	Верша	2
59	Сахтыш 2а	6850 ± 110	ГИН-12987	Нагар	2
60	Сахтыш 2а	6230 ± 50	ГИН-10923	Череп лося	2
61	Сахтыш 2а	6960 ± 40	ГИН-12986	Кол	2
62	Сахтыш 8	6960 ± 60	Ле-1382	Уголь	2
63	Становое 4/II	7380 + 170	ГИН-10108 I	?	7
64	Становое 4/II	6950 + 50	ГИН-10108 II	?	7
65	Становое 4/II	7080 + 170	ГИН-10106 I	?	7
66	Становое 4/II	6650 + 160	ГИН-106 II	?	7
67	Становое 4/II	7030 + 100	ГИН-8378	Обр. доска	7
68	Языково 1	6250 + 60	Ле-1080	Торф	1

Окончание табл. 1

69	Языково 1	6950 + 70	Ле-2051	Уголь	1
70	Языково 1	6730 + 80	Ле-2053	Уголь	1
71	Языково 1	6370 + 80	Ле-1189	Дерево	1

Примечание: жирным шрифтом обозначены даты, которые согласно Н. Е. Зарецкой и Е. Л. Костылевой получены по образцам, отношение которых к верхневолжской культуре сомнительно.

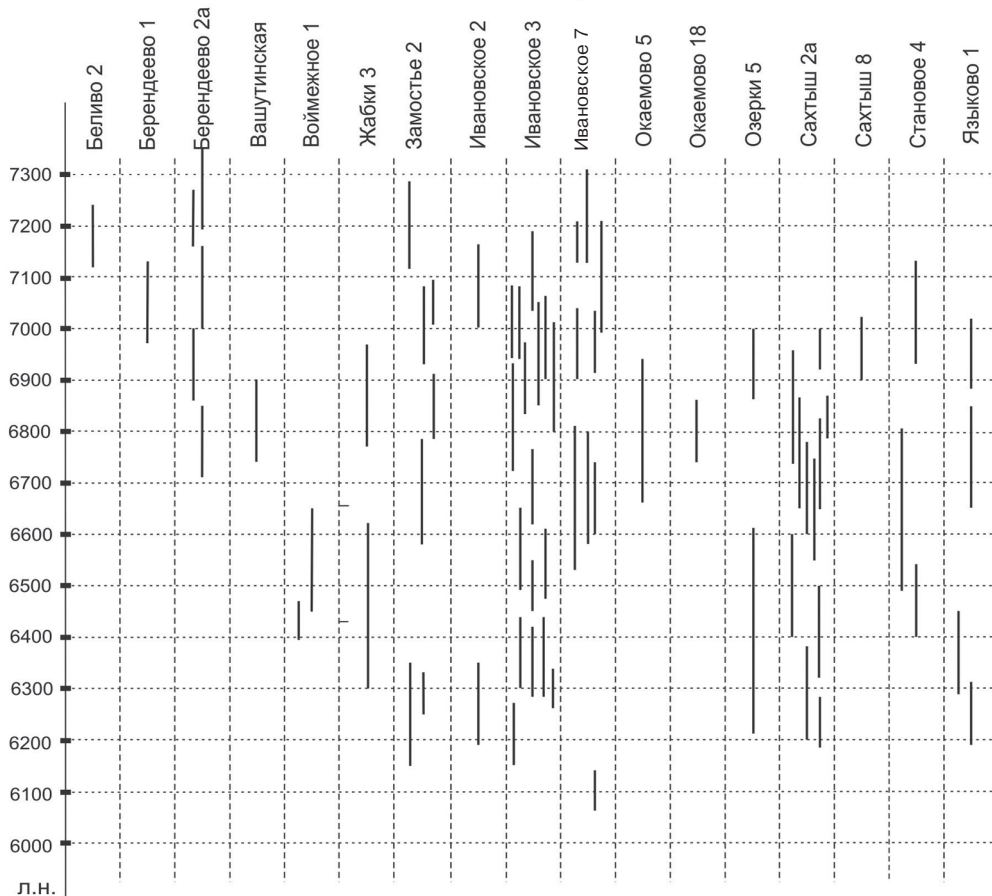

Рис. 7. Распределение ^{14}C датировок верхневолжской культуры в хронометрической шкале.

Fig. 7. Distribution of ^{14}C available for the Upper Volga culture.

Керамика и каменный инвентарь ВВК: ранний этап характеризуется появлением и распространением неорнаментированной, преимущественно плоскодонной посуды с тычково-накольчатый орнаментом (рис. 8: I); на втором этапе преобладала керамика с ложношнуровым, прочерченным или короткозубчатым орнаментом (рис. 8: II); третий этап связывается с преобладанием керамики с длиннозубчатым орнаментом при сохранении остальных

(рис. 8: III). В качестве примесей использовались дресва, шамот и органика. Иногда поверхность сосудов покрывалась охрой (Костылева 1994). Сосуды II и III этапов, как правило, с округлым дном и выпуклыми боками. Формы венчиков также варьировались (Костылева 1986: 141; 1987, 1994; Крайнов 1996).

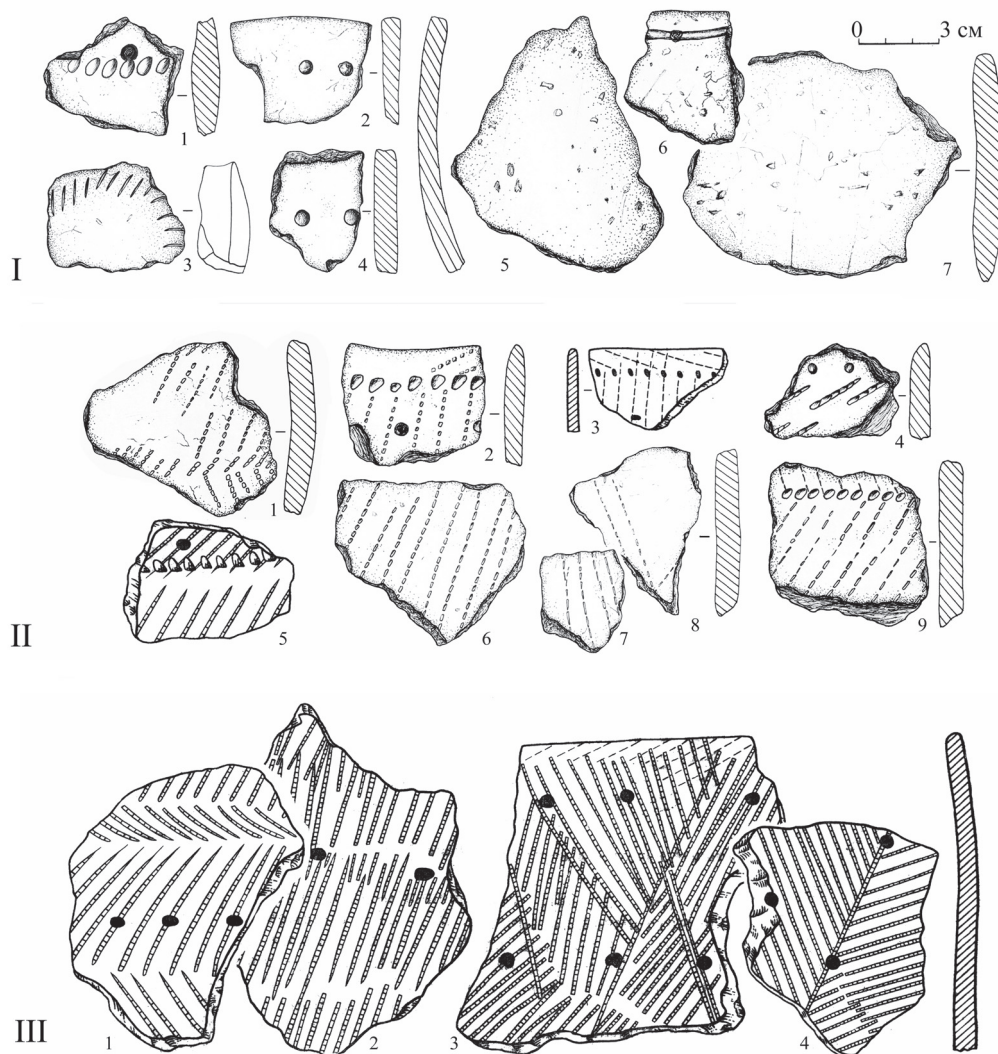

Рис. 8. Керамика верхневолжской культуры: I — первый этап развития: 1–7 — Сахтыш 2а; II — второй этап развития: 1–4, 6–9 — Сахтыш 2а (рис. Н. А. Цветковой), 5 — Берендеево 2а; III — третий этап развития: 1–4 — Берендеево 2а (по М. Г. Жилину, Д. А. Крайнову 1982).

Fig. 8. Upper Volga culture pottery: I — first stage: 1–7 — Sakhtysh 2a; II — second stage: 1–4, 6–9 — Sakhtysh 2a (drawn by N. Tsvetkova); III — third stage: 1–4 — Berendeevo 2a (after Zhilin, Krainov 1982).

В качестве сырья для изготовления орудий из камня применялся валунный кремний различных цветов и качества и некремневые породы (кварцит, песчаник, сланец). Д. А. Крайнов отмечал высокую степень сходства каменной индустрии ВВК с позднемезолитической. М. Г. Жилиным был проведен детальный анализ находок с поселений Озерки 5, Окаево 18, Давыдовская, Плещеево 1 (Жилин 1994), в результате чего была выявлена преемственность между позднемезолитической и ранне-неолитической каменной индустриями (рис. 9).

В вопросе о типе основной заготовки для орудий из камня единство взглядов отсутствует. Д. А. Крайнов считал основной заготовкой пластину: преобладают изделия с неправильной огранкой дорсальной поверхности, хотя техника получения пластин находится на высоком уровне. На заключительном этапе существования культуры основной заготовкой становится отщеп (Крайнов, Хотинский 1977; Крайнов 1996). Результаты недавних исследований показали, что уже в начале раннего неолита основным типом заготовки являлся отщеп, что было связано с дефицитом качественного сырья (Лозовский 2001: 268–269; Жилин и др. 2002: 71; Костылева 2003: 214).

Сериями представлены иволистные и черешковые наконечники стрел из пластин, хотя известны изделия и из отщепов, многие из которых обработаны ретушью по периметру, нередко с обеих сторон. Для раннего этапа характерны формы «постсвидерского» облика на пластинках с ретушью с бруска на острие и у черешка со спинки. Ближе к финалу культуры появляются немногочисленные наконечники стрел со сплошной пологой или полукруглой ретушью спинки.

Нуклеусы представлены изделиями с негативами скалывания отщепов и отжима пластинок. Основную массу находок составляют скребки разнообразных форм, среди которых доминируют аморфные; известны также микроскребки; скребковидные орудия; скребла; резцы на углу сломанных микропластинок и из отщепов. В количественном отношении преобладают пластинки с краевой ретушью, неретушированные, а также всевозможные сечения (Крайнов, Хотинский 1977: 42–67; 1984а: 114–119; Жилин 1994: 28; Сидоров 1997: 78; Костылева 2003: 213–218; Гиря и др. 1997: 97; Энгватова и др. 1998).

Инновациями в раннем неолите, по мнению В. М. Лозовского, является появление двусторонне обработанных наконечников стрел, преобладание шлифованных рубящих орудий, появление струйчатой ретуши, которая рассматривается как привнесенная извне (Лозовский 2003а: 17, 23, 2003б: 226, 228).

А. Н. Сорокин полагает, что «большинство опубликованных <...> стоянок не обладают надежными и выразительными коллекциями каменных изделий и представляют собой типологически вычлененные материалы смешанных памятников. Сопоставление кремневых комплексов свидетельствуют об их взаимном несходстве» (Сорокин 1991: 36).

Среди изделий из кости, происходящих с памятников Окаево 18 (нижний слой), Озерки 5 (III слой), Ивановское 3 (III слой) и других, известны наконечники стрел разнообразных форм (намечается тенденция развития наконечников с биконическим пером укороченных форм), зубчатые острия с крупными и мелкими зубцами, прямые кинжалы с пазами для вкладышей и без пазов, кинжалы со скошенным лезвием, прямые и изогнутые кинжалы из ребер, цельные

Рис. 9. 1–24 — каменный инвентарь позднего этапа бутовской мезолитической культуры, поселение Озерки 5, нижний слой; 25–49 — каменный инвентарь верхневолжской раннеолитической культуры: 25–30, 32, 33, 36, 39–42, 44–47, 49 — поселение Окаемово 18, нижний слой (по Жилину 1994), 31, 34, 35, 37, 38, 48 — Сахтыш 2 (Костылева 1985), 43 — Плещеево 1 (по Жилину 1982).

Fig. 9. 1–24 — late stage of Butovo Mesolithic culture, settlement Ozerki, lower layer; 25–49 — Upper Volga early Neolithic culture stone industry: 25–30, 32, 33, 36, 39–42, 44–47, 49 — Okaemovo 18, dawn layer (Zhilin 1994), 31, 34, 35, 37, 38, 48 — Sakhtysh 2 (Kostyleva 1985), 43 — Plescheevo 1 (Zhilin 1982).

и составные рыболовные крючки. Бытовые предметы представлены ножами из лопаток и других костей, стругами из ребер, шильями, роговыми вставками топоров и тесел, орудиями с лезвием, скошенным под углом около 45° , посредниками, резцами, скобелями и стругами из резцов бобра и его нижних челюстей (часто с отверстием), ретушерами из клыков медведя (Жилин 1994) (рис. 10).

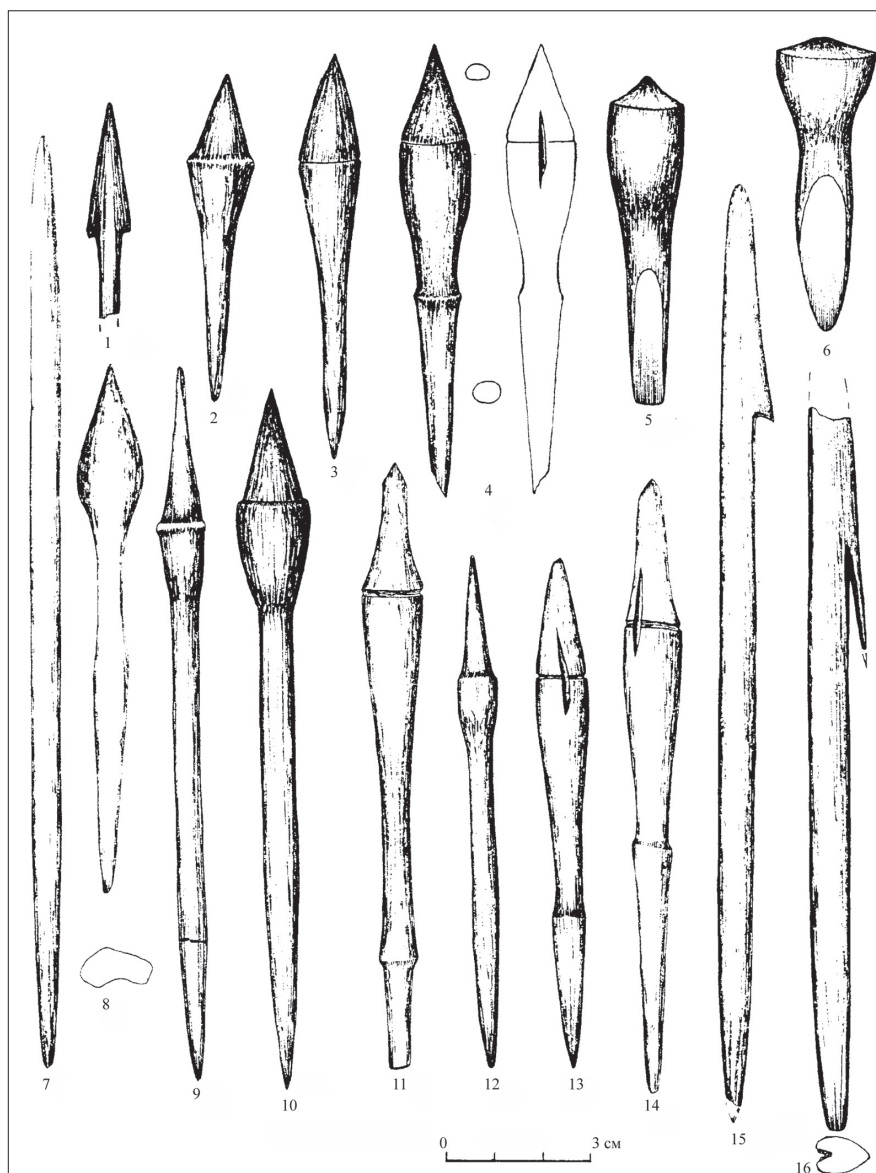

Рис. 10. Костяной инвентарь верхневолжской культуры (по Жилину).

Fig. 10. Upper Volga culture bone industry (Zhilin).

Искусство раннего неолита (рис. 11) характеризуется разнообразными орнаментами на глиняной посуде, на каменных плитках, так называемых «чурингах» и различных костяных изделиях, в числе которых — разнообразные подвески из зубов животных (главным образом, лося и бобра). Они, по-видимому, несут определенную смысловую нагрузку и могут быть предположительно связаны с принадлежностью к мужской и женской субкультурам (Жилин 1994; Лозовский 1997: 34, 44; Сидоров, Энгватова 1998; Жилин 1994).

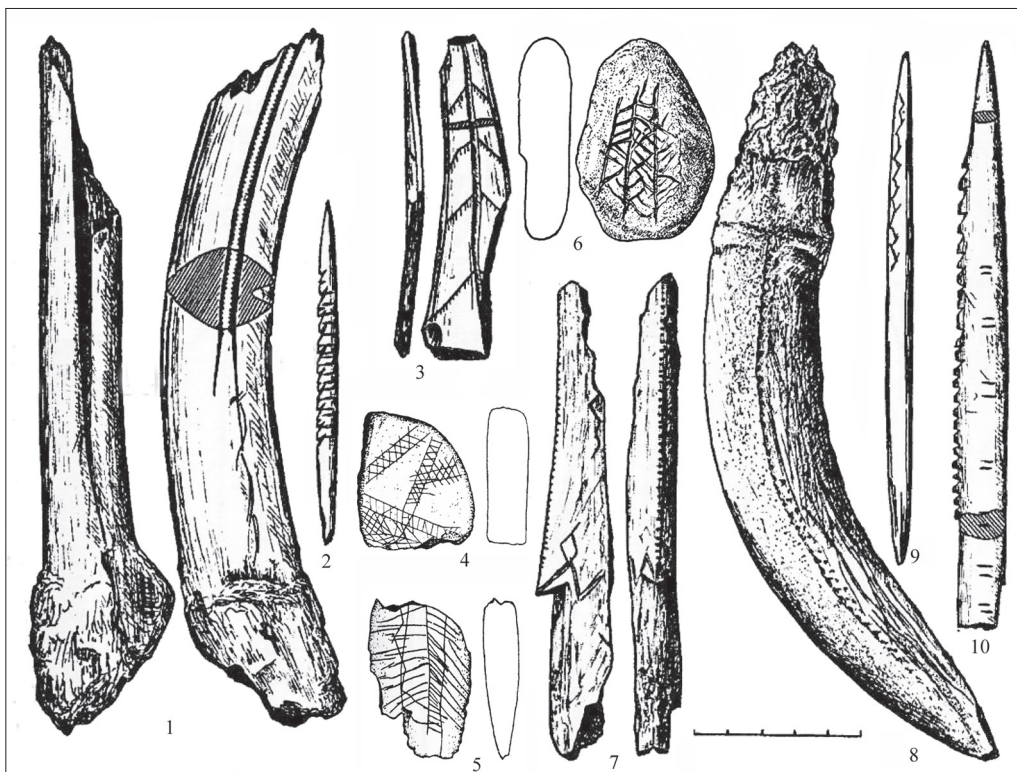

Рис. 11. Предметы искусства раннего неолита: 1–3, 7–10 — орнаментированные изделия из кости, 4–6 — «чуринги» (по Лозовскому 1997).

Fig. 11. Early Neolithic items art objects: 1–3, 7–10 — graved bone articles, 4–6 — «churingas» (Lozovskii 1997).

Генезис и культурные связи ВВК: вопрос о генезисе культуры можно рассматривать с нескольких позиций. Наиболее распространенной является версия, согласно которой верхневолжская культура считается генетически связанной с бутовской мезолитической (Крайнов, Хотинский 1977: 63; Жилин 1994; Кольцов, Жилин 1999). По мнению А. Н. Сорокина, между исчезновением бутовской культуры и появлением верхневолжской имеется значительный хронологический разрыв. По этой причине он связывает происхождение последней с несколькими археологическими культурами позднего мезолита в регионе. (Сорокин 1991: 36; 1992). В. М. Лозовский придерживается того же мнения

и считает, что поздний мезолит Верхнего Поволжья представлен не только бутовской культурой. Исследования материалов поселения Замостье II показали, что его позднемезолитическая кремневая индустрия ближе к инвентарю мезолитических стоянок культур Кунда-Веретье. Вместе с тем для изделий из камня из верхневолжского слоя поселения Окаево 18 прослеживаются характерные черты бутовской культуры (Лозовский 2003: 19).

В вопросе о финале культуры также не существует единого мнения. Так, В. В. Сидоров считает, что логическим продолжением верхневолжской культуры является льяловская культура развитого неолита (Сидоров 1986: 20–21; 1997: 57). По мнению Д. А. Крайнова верхневолжская культура какое-то время сосуществовала с льяловской, а затем трансформировалась в волосовскую (Крайнов 1991). Ю. Б. Цетлин рассматривает верхневолжскую и льяловскую «как две глубоко неродственные культуры», а сходство орнаментов объясняет контактами их носителей (Цетлин 2004: 208).

Д. А. Крайнов отмечал сходство ВВК с другими раннеолитическими культурами лесной и лесостепной зон Восточной Европы, предполагая тем самым существование единой историко-культурной области и этническую общность северных европеоидов (Крайнов 1986: 7; 1996: 173).

В. В. Никитин на основании сходства керамики предлагает рассматривать верхневолжскую и волго-камскую культуры в рамках единой волжской культурной общности (Никитин 2002: 302; 2009: 184).

Волго-Окская культура (ВОК)

История изучения ВОК: впервые предположение о существовании доверхневолжского культурного пласта было высказано в 1980 г. Ю. Б. Цетлиным на основании результатов исследований раннеолитической керамики поселения Ивановское 7 (Цетлин 1980). Через два года керамика этого времени была выделена в особую культуру. В 1996 г. появилась предварительная характеристика технологических и орнаментальных особенностей этой керамики, была намечена территория распространения культуры и предложено ее название (Цетлин 2008а: 48; 1980: 5–16; 1982: 7–13; 1996: 155–163). В целом история ее исследования насчитывает около тридцати лет. Автором и исследователем является Ю. Б. Цетлин.

Основанием для выделения волго-окской культуры послужило изучение состава теста раннеолитической посуды. Установлено, что верхневолжские гончары использовали для лепки сложносоставные рецепты теста. Примесями в различных сочетаниях выступали глина, шамот, дресва и органика. По мнению Ю. Б. Цетлина, возникновение сложных технических традиций объясняется путем взаимодействия простых. Дресва является, по его мнению, результатом воздействия носителей традиций изготовления керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Поиск посуды с рецептом, где в качестве примеси использовалась бы органика, навел на мысль о существовании в центре Русской Равнины населения, предшествующего носителям верхневолжской культуры. Этим же объясняется и примесь шамота в верхневолжской посуде (Цетлин 2008б: 37). Таким образом, волго-окская культура рассматривается как «доверхневолжское население на территории центра Русской Равнины, изготавливавшее свою собственную посуду, ... которое было очень быстро ассимилировано

пришлыми носителями верхневолжской культуры» (Цетлин 2008а: 37–38). Наиболее подробная ее характеристика содержится в исследовании «Неолит центра Русской равнины» (Цетлин 2008а).

Большинство исследователей (Костылева и др. 2002; Ошибкина 2006: 250) считают необоснованным выделение накольчатой керамики I этапа развития верхневолжской культуры в отдельную культурную единицу: «Для начальной стадии гончарства, когда технологические приемы еще только складывались и не были устойчивыми, нет нужды связывать появление той или иной примеси в глиняной посуде с инокультурным влиянием. Подобное возможно лишь в условиях устойчивых, давно сложившихся технологических традиций...» (Костылева и др. 2002: 41).

Территория ВОК (рис. 12): определяется как Волго-Окское междуречье (Цетлин 1996: 162). Однако Ю. Б. Цетлин считает вероятным существование родственного волго-окской культуре населения и на сопредельных территориях: «Родственное население занимало <...> обширную территорию в центре Русской Равнины. Вероятно, на западе она простиралась до границ нарвской культуры, на юге — до левых притоков р. Припять, захватывая частично бассейн Верхнего Днепра и Верхнего Дона, на севере ее граница скорее всего проходила примерно по 60°, а на востоке эта территория была ограничена районами нижнего течения р. Кама и среднего Поволжья» (Цетлин 1996: 162).

Рис. 12. Памятники волго-окской культуры (по Цетлину, 1996, 2008а): 1 — Залесье 1; 2 — Усть-Валдайка; 3 — Языково 1; 4 — Сомино 2; 5 — Ивановское 3; 6 — Ивановское 5; 7 — Ивановское 7; 8 — Сахтыш 1; 9 — Сахтыш 2; 10 — Сахтыш 8; 11 — Косячево 1; 12 — Косячево 2; 13 — Завьялка 1; 14 — Малая Ламна 1; 15 — Стрелка 1; 16 — Бобринка 2; 17 — Волосово; 18 — Коренец 1; 19 — Тереньково 3; 20 — Жабки 3; 21 — Беливо 2; 22 — Давыдково.

Fig. 12. Volga-Oka culture's sites (from Tsetlin 1996, 2008a): 1 — Zalec'e 1; 2 — Ust'-Valdaika; 3 — Yazikovo 1; 4 — Somino 2; 5 — Ivanovskoe 3; 6 — Ivanovskoe 5; 7 — Ivanovskoe 7; 8 — Sakhtysh 1; 9 — Sakhtysh 2; 10 — Sakhtysh 8; 11 — Kosyachevo 1; 12 — Kosyachevo 2; 13 — Zav'yalka 1; 14 — Malaya Lamna 1; 15 — Strelka 1; 16 — Bobrinka 2; 17 — Volosovo; 18 — Korenets 1; 19 — Teren'kovo 3; 20 — Zhabki 3; 21 — Belivo 2; 22 — Davydkovo.

Памятники ВОК: стоянок, оставленных ее носителями, немного. Базовыми Ю. Б. Цетлин называет Сахтыш 1, 2, 8, Ивановское 5, 7, Жабки 3 — на материалах которых построена периодизация культуры. Остальные памятники — Сейма 1, Боринка 2, Стрелка 1, Малая Ламна 1, Сахтыш 2а, Косячево 1, 2, Завьялка в Ивановской области; Сомино 2 в Ярославской области; Жабки 3, Волосово, Коренец 1, Тереньково 3 в Московской области; материалы с поселений Усть-Валдайка 1; Залесье 1 в Тверской области (Цетлин 1996: 162; 2008а: 50) — являются многослойными поселениями, за исключением стоянки Давыдовская. Керамика волго-окской культуры, как правило, залегает в слое или культурор-содержащем горизонте вместе с верхневолжской.

Хронология и периодизация ВОК: судя по имеющимся десяти радиоуглеродным датам, время существования ВОК укладывается в хронологические рамки от последней четверти VI тыс. до н. э. до середины V тыс. до н. э. Ее нижняя граница определяется датой из поселения Сахтыш 2а (Ивановская область) 7160 ± 80 (Ле-1902), а верхняя — 6460 ± 160 л. н. (ГИН-3214) происходит из поселения Беливо II (Московская область). Анализ орнаментации сосудов позволил разделить ВОК на четыре периода: первый — 7240–7145 радиоуглеродных л. н., второй — 7145–6818 л. н., третий — 6818–6560 л. н. и заключительный — 6560–6480 л. н. (Цетлин 2008б: 326).

Керамика и каменный инвентарь ВОК (рис. 13): характерный для волго-окской культуры рецепт теста керамики — глина + органика. Сосуды имеют накольчатую орнаментацию при сохранении значительных неорнаментированных

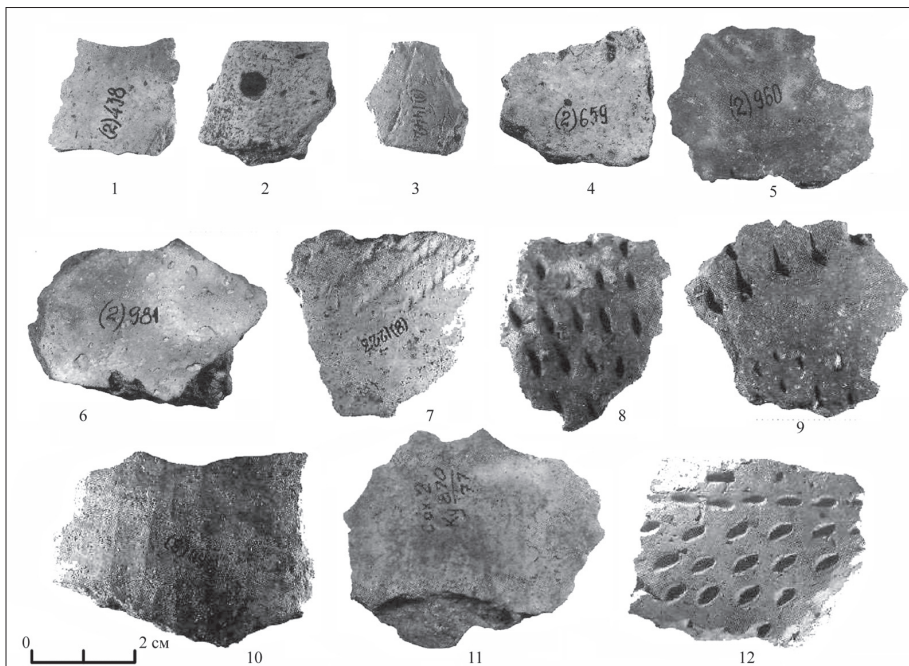

Рис. 13. Керамика волго-окской ранненеолитической культуры (по Цетлину 2008а).

Fig. 13. Early Neolithic culture pottery of the Volga–Oka culture (Tsetlin 2008a).

участков. Наблюдается тенденция к изживанию неорнаментированных участков. Так, на большинстве изученных фрагментов керамики начального этапа фиксируется отсутствие орнамента. Для второго периода при значительной доле (83%) неорнаментированной посуды характерно присутствие фрагментов сосудов с накольчатым орнаментом. Третий период характеризуется использованием четырех типов оформления поверхности сосудов — без орнамента, с накольчатым, гладким и ямчатым орнаментом. Наиболее распространенными являются первые два. На заключительном этапе существования культуры используется в основном посуда либо без орнамента, либо с накольчатым и гладким орнаментом (Цетлин 1996: 160; 2008б: 53–54).

Каменный инвентарь ВОК в работах Ю. Б. Цетлина характеристики не получил.

Генезис и культурные связи ВОК: Ю. Б. Цетлин считает, что ВОК возникла на основе автохтонных мезолитических традиций. Какое-то время она сосуществовала и, вероятно, взаимодействовала с пришлой верхневолжской культурой, а затем в ней растворилась (Цетлин 2007, 2009: 249).

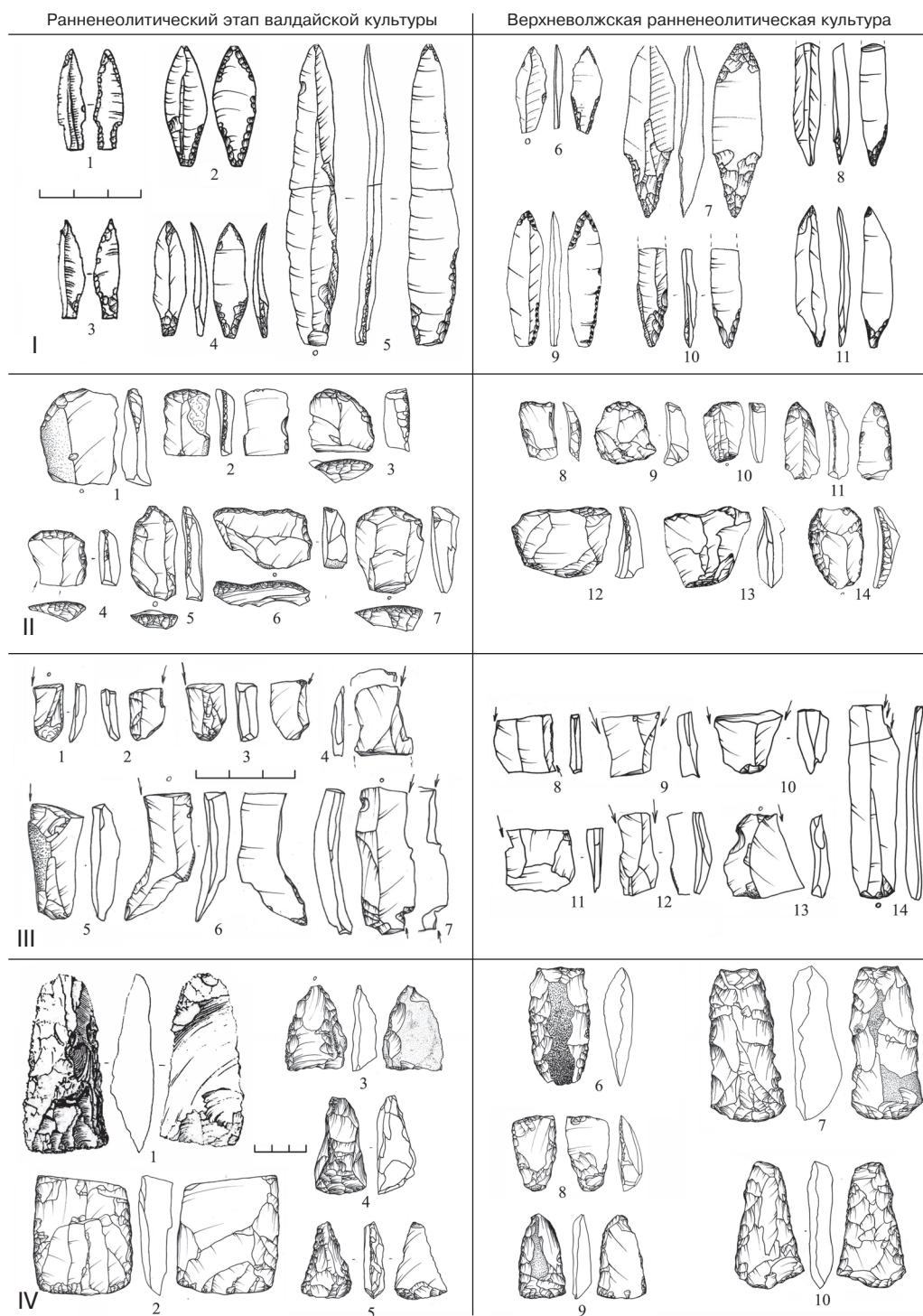
Обсуждение

Общее неудовлетворительное состояние источников, отсутствие единой терминологической базы и тот факт, что часть коллекций не полностью введена в научный оборот, являются факторами, тормозящими дальнейшие исследования раннего неолита в Верхнем Поволжье.

Критическая оценка материалов памятников Верхневолжской системы озер позволяет выявить ряд существенных моментов:

- во-первых, первоначальная характеристика инвентаря валдайской АК основана на анализе коллекций подъемного материала из разрушенных памятников, собранных по берегам Верхневолжских озер и Волги и не подкреплена абсолютными датировками. «Составленные таким путем коллекции являются недокументированными и представляют собой весьма сомнительный в научном отношении материал» (Крижевская 1950: 55);
- во-вторых, сравнительный детальный анализ находок со стоянок раннего неолита Котчище 1 и 2 показал высокую степень сходства с керамикой и каменной индустрией верхневолжской культуры по орнаментальным композициям, составу теста и технико-морфологическим параметрам соответственно (рис. 3, 8, 13, 14);
- в-третьих, рубящие орудия валдайской культуры, происходящие из чистых комплексов ранненеолитического времени, чрезвычайно схожи по морфологии и метрическим характеристикам, а также по технологии изготовления с деревообрабатывающими орудиями верхневолжской культуры (рис. 14: IV). Вопрос о так называемых «верхневолжских макролитах», происходящих из сборов П. Романченко и Г. Кандыбы, был поставлен еще в XIX в. Они датировались и эпохой палеолита, и ранне-неолитическим временем. Подробно история их изучения изложена Л. Я. Крижевской (1950) и Н. Н. Гуриной (1958). Специальное исследование этой проблемы позволило Л. Я. Крижевской соотнести «верхневолжские макролитические орудия с мастерскими поздне-неолитического

МЕЗОЛИТ И НЕОЛИТ

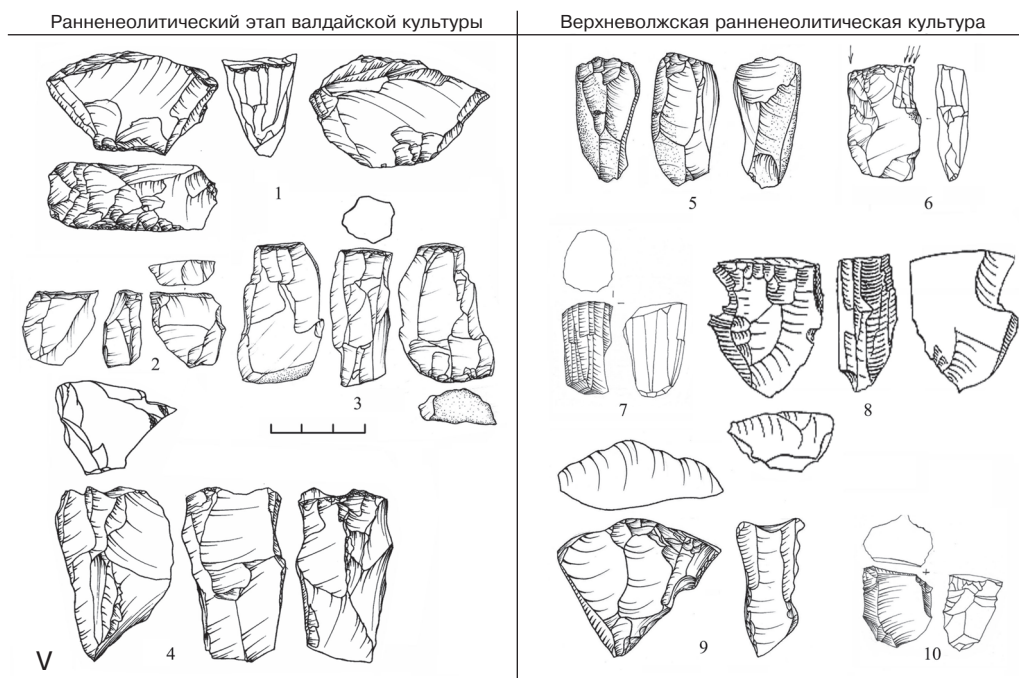

Рис. 14. Сравнительная таблица каменного инвентаря валдайской и верхневолжской археологических культур: I — наконечники стрел: 1–3 — Котчище 2 (по Гуриной 1997), 4 — Котчище 1, 5 — Нилова Пустынь, 6 — Окаемово 18 (по Жилину 1997), 7, 8 — Озерки 5, 9 — Сахтыш 2 (по Костылевой 1985), 10 — Алексеевское 1, 11 — Альба 8 (по Цветковой 2010); II — скребки: 1–7 — Котчище 1, 8, 10–12, 14 — Альба 8 (по Цветковой 2010), 9, 13 — Алексеевское 1 (по Цветковой 2008); III — резцы: 1–7 — Котчище 1, 8–14 — Альба 8 (по Цветковой 2010); IV — деревообрабатывающие орудия: 1, 4–5 — Котчище 2, 3 — Котчище 1 (по Гавриловой 1962), 6, 7, 9 — Альба 8 (по Цветковой 2010), 8 — Озерки 5, 10 — Алексеевское 1 (по Цветковой 2008); V — нуклеусы: 1–4 — стоянка Котчище 1, 5, 9 — Сахтыш 2а, 6 — Озерки 5 (слой 2), 7, 10 — Ивановское 3, 8 — Давыдовская (по Сидорову 1973).

Fig. 14. The correlation of Valdai culture and Upper Volga culture stone industry: I — arrowheads: 1–3 — Kotchische 2 (Gurina 1997), 4 — Kotchische 1, 5 — Nilova Pustyn', 6 — Okaemovo 18 (Zhilin 1997), 7, 8 — Ozerki 5, 9 — Sakhtysh 2 (Kostyleva 1985), 10 — Alekseevskoe 1, 11 — Al'ba 8 (Tsvetkova 2010); II — scrapers: 1–7 — Kotchische 1, 8, 10–12, 14 — Al'ba 8 (Tsvetkova 2010), 9, 13 — Alekseevskoe 1 (Tsvetkova 2008); III — burins: 1–7 — Kotchische 1, 8–14 — Al'ba 8 (Tsvetkova 2010); IV — woodworking tools: 1, 4–5 — Kotchische 2, 3 — Kotchische 1 (Gavrilova 1962), 6, 7, 9 — Al'ba 8 (Tsvetkova 2010), 8 — Ozerki 5, 10 — Alekseevskoe 1 (Tsvetkova 2008); V — cores: 1–4 — Kotchische 1, 5, 9 — Sakhtysh 2a, 6 — Ozerki 5 (layer 2), 7, 10 — Ivanovskoe 3, 8 — Davydovskaya (Sidorov 1973).

возраста... определяя их как заготовки и орудия для первичной обработки кремня» (Крижевская 1950: 69). Отрицание Н. Н. Гуриной результатов исследования Л. Я. Крижевской привело к укоренению представления о «верхневолжских макролитах» как о специфической черте раннеолитической каменной индустрии памятников Верхневолжской системы озер в последующих исследованиях;

- в-четвертых, в коллекциях «чистых» комплексов раннего этапа валдайской культуры Котчище 1 и 2 не встречаются скребки «валдайского» типа (рис. 5: 50), изготовленные из «специальных крупных отщепов круглой формы» (Гурина 1996: 189). По-видимому, этот тип орудий следует

связывать с развитым неолитом, так как они встречены лишь на памятниках, где содержится примесь поздней ямочно-гребенчатой керамики, например Нижние Котицы 1, 5;

- в-пятых, в результате детального анализа изделий из коллекций ранне-неолитических памятников выявлена поздняя примесь. В качестве примера стоит привести стоянку Гринино 1 (Засыпь 1) в Тверской области. Полученная недавно радиоуглеродная дата 3050 ± 100 л. н. (SPb-60)¹ свидетельствует о том, что на памятнике представлены смешанные материалы раннего неолита и раннего железного века. Это подтверждается присутствием керамики позднего облика.

Существующие типологические наработки (Крылова 1986; 1997; Гурина 1978; Верещагина 1997) обладают рядом недостатков и не до конца отражают характерные особенности каменной индустрии региона в раннем неолите. Таким образом, специфические черты каменной индустрии раннего этапа валдайской культуры на сегодняшний день не выявлены.

В связи со сложившимся положением дел особую актуальность приобретают исследования Г. В. Сеницыной. Она проанализировала сырье, которое использовалось для изготовления орудий в регионе, начиная с финального палеолита (Сеницына 2002, 2006; Сеницына, Колокольцев 2007). В результате ею были выделены индивидуальные особенности этого сырья, в том числе и для ранне-неолитического времени. Это существенно упрощает работу по разбору коллекций памятников многократного заселения.

Следует также поставить вопрос о правомерности объединения в единую археологическую культуру памятников Валдайской возвышенности позднего мезолита, раннего и развитого неолита. Ранее уже высказывались мысли о сложности их восприятия в этом контексте (Энговатова 1994: 58). Несомненно, мезолитические и неолитические материалы генетически связаны, но отнюдь не являются разными этапами одной археологической культуры. Н. Н. Гурина предполагала заимствование идеи изготовления керамики со стороны (Гурина 1997: 222). Сегодня точка зрения о появлении в лесной зоне Восточной Европы керамики в результате подвижек населения из южных (юго-восточных) регионов является вполне обоснованной (Никитин 2008: 308). Появление в регионе новых групп людей неизбежно влечет за собой контакты с автохтонным населением и, как следствие этого, возникновение новых черт в материальной культуре. Таким образом, можно говорить о двух родственных археологических культурах в позднем мезолите и раннем неолите Валдайской возвышенности.

Так как система Верхневолжских озер и Волго-Окское междуречье представляют единый географический регион со сходными климатическими и природными условиями, а также наблюдается высокая степень сходства каменного инвентаря по технико-морфологическим параметрам и керамики по орнаментальным композициям с материалами верхневолжской культуры, ранний этап валдайской культуры следует рассматривать как валдайский локальный вариант верхневолжской культуры. Аналогии в каменной индустрии бутовской культуры позволяют предварительно считать валдайские позднемезолитические материалы ее локальным вариантом.

¹ Образец взят при раскопках памятника в 1961 г. и хранился в стеклянной банке.

По сути Валдайская возвышенность является контактной зоной. На этом основании памятники раннего неолита Верхневолжской системы озер можно было бы расценивать также и в качестве локального варианта сертейской ранненеолитической культуры, и мстинской неолитической культуры. Однако стоит поставить вопрос об объединении ранненеолитических памятников Верхнего Поволжья в единую археологическую общность, а затем уже говорить о локальных группах/вариантах и т. д. по особенностям каменного инвентаря и керамики, как это было предложено в свое время Д. А. Крайновым (1984).

Принципиальные отличия морфологии орнаментов сосудов, технологии расщепления камня, облика орудий раннего и развитого неолита позволяют говорить о существовании в развитом неолите отличной от ранненеолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики. В этом случае ряд опорных памятников для изучения валдайской культуры, например, поселение Щепочник (Гурина 1961), теряет свою значимость.

Первоочередными задачами при таком положении дел представляются переоценка старых коллекций, обработка еще не введенных в научный оборот материалов, а также поиск новых надежно стратифицированных памятников.

Незначительное количество четко стратифицированных памятников вместе с высокой степенью сходства каменной индустрии позднего мезолита — раннего неолита привели к тому, что каменному инвентарю отводилась роль второстепенного источника. Тем не менее, опыт построения типологических схем для орудий из камня неолитического времени показывает перспективность исследований подобного рода. Прекрасный пример этого дают исследования каменного инвентаря поселения Замостье 2, для которого были выявлены особенности, отражающие культурную специфику позднемезолитической и ранне-неолитической индустрий (Гиря, Лозовский 1997; Лозовская, Лозовский 2002; Лозовский 2003).

Важно сопоставить и сравнить полученные данные с результатами изучения керамики. В связи с этим может быть поднят вопрос о том, каменные изделия каких памятников следует привлекать для исследований в качестве опорных источников, а каких — в качестве второстепенных. На наш взгляд, присутствие незначительной поздней примеси в коллекции, которая бы не затрудняла процедуру выделения ранне-неолитического комплекса, допустимо. Возможное присутствие финально-мезолитических находок на стоянках без изделий из органических материалов можно не принимать во внимание в случае отсутствия предметов специфических мезолитических форм. Из 213 известных памятников верхневолжской культуры в качестве «условно» чистых, таким образом, следует считать поселения Сахтыш 2а (раскопки 2004 г., раскоп 2); Окаево 5, 18; Становое 4 (раскоп 2, работы 1998); Давыдовская; Замостье 2; Озерки 5; Озерки 17; Шадрино 4; Золоторучье 3; Котчище 1, 2; Плещеево 1; Алексеевское 1; Альба 8.

Недостаточное количество публикаций материалов «эталонных» памятников, нерешенность проблем технологии расщепления камня и изготовления орудий из кости, динамики развития каменной и костяной индустрий, классификации орудий и прочее свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения ВВК. Многие данные нуждаются в проверке, поскольку первоначальная

характеристика верхневолжской культуры основана на изучении смешанных комплексов (Костылева 2003: 213).

Так, например, спорен тезис о деградации пластинчатой техники в раннем неолите, высказанный впервые В. В. Сидоровым (Сидоров 1997: 78) и поддержанный другими исследователями (Гирия и др. 1997; Жилин 1994). Во-первых, специальные исследования по данному вопросу практически отсутствуют (за исключением исследования материалов с поселения Замостье 2). Во-вторых, здесь имеется заметное противоречие. С одной стороны, исследователями отмечается преимущественное изготовление наконечников стрел (Алексеевское, Ивановское 3, 7, Плещеево 1, Нилова Пустынь) и угловых резцов из пластин (включая и отжимные), наличие вкладышей и острий — пластин со скошенным ретушью концом, а с другой — отщеп становится в раннем неолите основной заготовкой. Кроме того, отжимные пластинки и нуклеусы с негативами их снятия известны в материалах раннеолитических памятников (Энговатова и др. 1998).

Предложение В. В. Никитина объединить верхневолжскую и волго-камскую культуры в единую культурную общность перекликается с позицией Д. А. Крайнова, который предполагал существование единой общности накольчатой керамики в неолите центра Русской равнины. Однако исследования в данном направлении требуют привлечения «всего комплекса хозяйственно-экономического уклада жизнеобеспечения», а также «серьезной критики существующих источников, более корректного их использования» (Никитин 2009: 184).

Наиболее дискуссионным является вопрос о критериях выделения волго-окской культуры, поскольку, помимо керамического комплекса, специфические особенности ее инвентаря не выявлены. Некоторые сомнения вызывает и периодизация культуры, которая с учетом характера предложенной процедуры вычислений выглядит натянутой и не подкрепляется другими данными.² Помимо этого, следует отметить, что в список памятников волго-окской культуры не вошло большинство памятников Верхнего Поволжья с накольчатой керамикой, которые, согласно логике рассуждений Ю. Б. Цетлина, должны быть включены в их перечень.

Таким образом, стоит согласиться с мнением о том, что выделение особой волго-окской культуры в раннем неолите на территории Верхнего Поволжья пока недостаточно обосновано. Однако исследования в этом направлении

² «Наиболее ранние материалы волго-окской культуры могут быть датированы 7240 г., а наиболее поздние — 6480 г. от наших дней. Вероятно, в этом временном интервале и обитали носители волго-окской культуры на рассматриваемой территории. Опираясь на результаты периодизации памятников волго-окской культуры, представляется возможным разработать ее «внутреннюю» историю, т. е. определить дату каждого памятника и границы каждого периода развития культуры ... расстояние между наиболее ранней и наиболее поздней датами составляет... 760 лет (7240 – 6480 = 760). При построении периодизации волго-окской культуры по орнаментам ее общая длительность равна длине условной оси времени, т. е. составляет 100%. Поэтому мы можем приравнять длительность бытования культуры в годах к этой величине условной оси времени. Отсюда, зная коэффициент места (КМ) каждого поселения данной культуры на ее условной оси времени в процентах, несложно рассчитать их дату в абсолютных значениях времени, т. е. в годах. Эти даты будут называться «расчетными абсолютными датами»» (Цетлин 2008а).

кажутся перспективными. Необходимо признать вслед за А. А. Выборновым, В. В. Никитиным и др. (Выборнов 2009: 7, 38; Никитин 2002, 2009) разницу между ранней накольчатой керамикой и поздней гребенчато-накольчатой, где использование в орнаментации наколов имеет подчиненный характер. Следует ли рассматривать это как свидетельство культурного многообразия в раннем неолите или же как результат культурных связей из-за недостатка данных — неясно. В связи с этим особую значимость приобретают исследования каменной и костяной индустрий раннего неолита, которые должны, по нашему мнению, позволить приблизиться к решению этой проблемы.

Выводы

Материальную культуру ранненеолитического населения Верхнего Поволжья уместно рассматривать в рамках единого археологического явления, для которого, согласно точке зрения Д. А. Крайнова, следует оставить пока название «верхневолжская ранненеолитическая культура». Она входит в культурную общность с традициями изготовления накольчато-гребенчатой керамики.

Существование доверхневолжского населения на этой территории пока недостаточно обоснованно.

Верхневолжская культура сложилась при участии автохтонного мезолитического и пришлого населения юго-восточных территорий, которое принесло идею изготовления керамики в среду охотников-рыболовов-собирателей лесной зоны. Распространение ранненеолитических памятников в широтном направлении, вероятно, стоит связывать с географией бассейна Верхней Волги, относительно полно совпадающей с северной границей распространения широколиственных лесов в атлантикуме.

Дальнейшие детальные исследования каменного и костяного инвентаря рассматриваемого региона и сопредельных территорий в совокупности с данными о хозяйственно-бытовом укладе ранненеолитического населения в Верхнем Поволжье позволят дополнить и уточнить сведения о раннем неолите, полученные по результатам изучения керамики.

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность за помощь при работе с материалами, ценные советы и консультации канд. ист. наук Е. Л. Костылевой, канд. ист. наук С. Н. Лисицыну и канд. ист. наук Г. В. Сеницыной, а также д-ру ист. наук М. Г. Жилину и канд. ист. наук Е. Л. Костылевой за возможность использовать неопубликованные материалы с поселений Озерки 5 и Сахтыш 2а (раскопки 2004 г.).

Литература

Алешинская А. С., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. 1997. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье II // Т. Н. Манушина, В. И. Вишневский, В. М. Лозовский, О. В. Лозовская (ред.). Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. 1–5. Июль. 1999. Сергиев Посад: Подкова. 248–254.

- Археологическая карта России: Владимирская область. 1995. М.: Наука.
- Археологическая карта России: Ивановская область. 1994. М.: Типография № 9 Министерства печати и информации РФ.
- Археологическая карта России: Костромская область. 1999. М.: Восточная литература.
- Археологическая карта России: Московская область. Ч. 1. 1995а. М.: Экоцентр — ВНИРО.
- Археологическая карта России: Московская область. Ч. 2. 1995б. М.: Типография № 9 Комитета РФ по печати.
- Археологическая карта России: Московская область. Ч. 3. 1995в. М.
- Археологическая карта России: Московская область. Ч. 4. 1995г. М.
- Археологическая карта России: Тверская область. Ч. 2. 2007. М.
- Верещагина И. В.* 1997. Поселения Южного побережья Селижаровского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.: АкадемПринт. 63–106.
- Выборнов А. А.* 2009. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья. Дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск.
- Выборнов А. А., Костылева Е. Л.* 2009. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Волго-Окского междуречья // Человек, ученый, гражданин. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Соломона Герцевича Басина. Т. 2. Самара. 29–32.
- Гаврилова И. В.* 1962. Неолитическая стоянка Котчище на оз. Селигер // КСИА 92. 87–90.
- Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., Лозовская О. В.* 1997. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». 1–5. Июль. 1997. Сергиев Посад. 86–103.
- Гурина Н. Н.* 1958. Валдайская неолитическая культура // СА 3. 31–45.
- Гурина Н. Н.* 1961. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской неолитической культуры) // КСИА 82. 150–157.
- Гурина Н. Н.* 1970. Верхневолжские макролиты в свете новых исследований // *Studia Archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallin: Valgus. 74–80.
- Гурина Н. Н.* 1978. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел // Д. Я. Телегин (отв. ред.). Орудия каменного века. Киев: Наукова Думка. 57–70.
- Гурина Н. Н.* 1984. Зависимость категорий типов каменных орудий от сырья // К. S. Kunchev et al. (ed.). III Seminar on Petroarchaeology. Plovdiv. 176–185.
- Гурина Н. Н.* 1989. Мезолит верховьев р. Волги // Л. В. Кольцов (отв. ред.). Мезолит СССР. М.: Наука. 63–67.
- Гурина Н. Н.* 1996. Валдайская культура // С. В. Ошибкина (отв. ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 184–192.
- Гурина Н. Н.* 1997. Относительная и абсолютная хронология памятников каменного века Волговерховья // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.: АкадемПринт. 221–227.
- Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. 2002 // А. А. Величко (ред.). Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен — голоцен — элементы прогноза. Вып. 2. Общая палеогеография. М.: ГЕОС.
- Жилин М. Г.* 1982. О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I // СА 3. 219–223.
- Жилин М. Г.* 1994. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // А. В. Уткин (ред.) // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново: ГУ КПК Минтопэнерго. 19–31.
- Жилин М. Г.* 1997. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Т. Н. Манушина (ред.). Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». 1–5. Июль. 1997. Сергиев Посад. 164–196.

- Жилин М. Г. 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В. 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука.
- Жилин М. Г., Крайнов Д. А. 1982. Стоянка Берендеево IIa // КСИА 169. 67–73.
- Жилин М. Г., Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. 1998. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16, 17 в Конаковском районе Тверской области // ТАС 3. 209–218.
- Жуков Б. С. 1995. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Н. Я. Мерперт (ред.). Антология советской археологии (1917–1933). Т. 1. М.: ИА РАН, ГИМ. 63–74.
- Зарецкая Н. Е., Костылева Е. Л. 2008. Радиоуглеродная хронология начального этапа раннеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш IIa) // РА 1. 5–14.
- Каменный век Верхневолжского региона. Материалы к археологической карте. 1995. СПб.: Петербургкомстат.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. 1999. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М.: Наука.
- Комаров К. И. 2003а. Археологическая карта России: Тверская область. Ч. 1. М.
- Комаров К. И. 2003б. Археологическая карта России: Ярославская область. М.: Артдиал.
- Комаров К. И. 2004. Археологическая карта России: Нижегородская область. Ч. 1. М.
- Костылева Е. Л. 1984. Остатки раннеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА 177. 47–52.
- Костылева Е. Л. 1986. Раннеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА 4. 138–151.
- Костылева Е. Л. 1987. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Костылева Е. Л. 1994. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС 1. 53–57.
- Костылева Е. Л. 2003. Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны) // В. И. Тимофеев (ред.). Неолит — энеолит юга и севера Восточной Европы. СПб.: АкадемПринт. 213–218.
- Костылева Е. Л., Зарецкая Н. Е. 2004. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европы). СПб.: АкадемПринт. 52–55.
- Костылева Е. Л., Крайнов Д. А., Уткин А. В. 1985. Стоянка Малая Ламна I // КСИА 185. 71–78.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В. 2002. Неолитические комплексы стоянки Ивановское VII // Л. В. Кольцов (ред.). Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII). М.: Наука. 40–63.
- Кравцов А. Е. 1987. О хронологии мезолитических и раннеолитических памятников Мещерской низменности // А. С. Фролов (ред.). Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга: ИА АН СССР. 14–17.
- Крайнов Д. А. 1984. Спорные вопросы неолита центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита лесной и лесостепной зоны Восточной Европы (тезисы докладов). Оренбург. 6–8.
- Крайнов Д. А. 1991. К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Ф. В. Васильев (ред.). Археология Верхнего Поволжья: Материалы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород: Этнос. 66–72.
- Крайнов Д. А. 1996. Верхневолжская культура // С. В. Ошибкина (ред.). Неолит Северной Евразии. М.: Наука. 166–172.

- Крайнов Д. А., Костылева Е. Л. 1988. Ранненеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух // КСИА 193. 56–59.
- Крайнов Д. А., Уткин А. В. 1990. Стоянка Кухмарь III на Плещеевом озере // А. В. Уткин (ред.). Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново: Бюро ОП Ивоблупрстат. 7–9.
- Крайнов Д. А., Уткин А. В. 1995. Многослойная стоянка Уница на озере Неро // А. В. Уткин (ред.). Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново: ГУ КПК Минтопэнерго. 50–70.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. 1977. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА 3. 42–68.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. 1984а. Ивановские стоянки — комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье (маршрут Москва — Переславль-Залесский — Ростов Ярославский) // А. А. Величко, Л. В. Кольцов, Н. А. Хотинский (ред.). Археология и палеогеография палеолита и неолита Русской Равнины. Путеводитель совместного советско-французского семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». М.: Наука. 92–109.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. 1984б. Хронология, периодизация и палеогеография первобытных племен центра Русской Равнины в голоцене // А. А. Величко, Л. В. Кольцов, Н. А. Хотинский (отв. ред.). Археология и палеогеография палеолита и неолита Русской Равнины. Путеводитель совместного советско-французского семинара по теме «Динамика взаимодействия между естественной средой и доисторическими обществами». М.: Наука. 114–120.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. 1973. Древнейшая ранне-неолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР 5.
- Крижевская Л. Я. 1950. Неолитические мастерские Верхнего Поволжья. МИА 13.
- Крылова Т. Б. 1986. Классификация мезолитических наконечников стрел Валдайской возвышенности // В. П. Любин (ред.). Палеолит и неолит. Л.: Наука. 142–148.
- Крылова Т. Б. 1988. Неолитическая стоянка Тиница в Калининской области // КСИА 193. 60–65.
- Крылова Т. Б. 1997. Классификация скребков мезолитических и неолитических памятников Валдайской возвышенности // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.: АкадемПринт. 213–220.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М. 2002. Типология и функции каменных изделий стоянки Замостье II (поздний мезолит — ранний неолит Русской Равнины) // Археологические Вести 10. 31–46.
- Лозовский В. М. 1997. Искусство мезолита — раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье 2) // Т. Н. Манушина (ред.). Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». 1–5. Июль. 1997. Сергиев Посад. 33–51.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // В. И. Тимофеев (ред.). Неолит — энеолит юга и севера Восточной Европы. СПб.: АкадемПринт. 219–240.
- Лозовский В. М. 2003. Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье 2. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В. 2009. Керамические традиции валдайской культуры в ранне-неолитических комплексах Верхнего Подвинья // С. А. Васильев (ред.). Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: Лема. 108–110.
- Неолит Северной Евразии. 1996. С. В. Ошибкина (отв. ред.). М.: Наука.
- Никитин А. Л. 1978. Стоянка Плещеево I // СА 4. 249–251.
- Никитин В. В. 2002. Культура носителей с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // ТАС 5. 293–303.

- Никитин В. В. 2008. Проблемные вопросы неолитизации Волжского бассейна // А. Н. Сорокин (ред.). Человек, адаптация, культура. Тула: Гриф и К. 307–313.
- Никитин В. В. 2009. К вопросу о культурной атрибуции верхневолжской и волго-камской ранненеолитических культур // ТАС 7. 179–186.
- Ошибкина С. В. 2006. О раннем неолите в лесной зоне // ТАС 6. 248–253.
- Палеогеографическая основа современных ландшафтов. 1994. В: А. А. Величко, Л. Старкель (ред.). М.: Наука.
- Раушенбах В. М. 1980. К вопросу о верхневолжской керамике в памятниках бассейна р. Дубны // ТГИМ 51. 15–24.
- Сидоров В. В. 1986. Льяловская культура западной части Волго-Оского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сидоров В. В. 1990. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково I // В. В. Седов (ред.). Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: Наука.
- Сидоров В. В. 1995. Неолит Десны и Волго-Окского бассейна // РА 1. 71–80.
- Сидоров В. В. 1997. Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное I // А. В. Энгватова (ред.). Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М.: ИА РАН. 76–95.
- Сидоров В. В., Сорокин А. Н. 1997. Многослойное поселение Замостье 5 // Т. Н. Манушина (ред.). Древности Залесского края. Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». 1–5. Июль. 1997. Сергиев Посад. 144–163.
- Сидоров В. В., Энгватова А. В. 1996. Стоянка Пириутино I в Подмосковье // А. В. Уткин (ред.). Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 3. Иваново: ГУ КПК Минтопэнерго. 38–48.
- Сидоров В. В., Энгватова А. В. 1998. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера // РА 1. 126–139.
- Синицына Г. В. 1994. К вопросу о генезисе валдайской культуры // ТАС 1. 36–41.
- Синицына Г. В. 1997. Ланино I — памятник каменного века // Каменный век верхневолжского региона. СПб.: АкадемПринт. 5–62.
- Синицына Г. В. 2000. «Клады» валдайской культуры и их хронология // В. И. Тимофеев (ред.). Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти Н. Н. Гуриной. СПб.: АкадемПринт. 69–71.
- Синицына Г. В. 2006. Сырье как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // Археологические вести 13. 34–45.
- Синицына Г. В., Зарецкая Н. Е. 2002. О новой дате валдайской культуры // ТАС 5. 196–208.
- Синицына Г. В., Колокольцев В. Г. 2007. Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая / Археологические вести 14. 43–50.
- Смирнов А. С. 2004. Фактологическая основа археологического исследования (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры) // РА 2. 96–114.
- Сорокин А. Н. 1991. Поздние памятники бутовской культуры и проблема генезиса раннего неолита волго-окского междуречья // С. В. Ошибкина (ред.). Актуальные вопросы волго-окского мезолита. М. 28–37.
- Сорокин А. Н. 1992. Бутовская мезолитическая культура. М.: Черметинформация.
- Тимофеев В. И. 1996. Стоянки каменного века близ д. Залесье Тверской области (по материалам исследований Н. Н. Гуриной) // ТАС 2. 245–248.
- Тимофеев В. И. 1997. Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.: АкадемПринт. 107–168.
- Тимофеев В. И. 2002. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // ТАС 5. 209–214.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. 2004. К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе // В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита и неолитизация регионов,

- взаимодействия неолитических культур в восточной и средней Европе). СПб.: АкадемПринт. 38–51.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. 2004. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза.
- Урбан Ю. Н. 1976. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Л. А. Кольцов, М. П. Зимина, О. С. Гадзяцкая (ред.). Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 65–70.
- Уткин А. В. 1984. Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА 177. 53–56.
- Уткин А. В. 1985. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX // СА 1. 143–150.
- Уткин А. В. 1988. Неолитическая стоянка Ивановское I // КСИА 193. 65–70;
- Уткин А. В. 1991. Стоянка Яга II близ Вашутинского озера // РА 3. 143–152.
- Уткин А. В., Костылева Е. Л. 1984. Раннеолитическая верхневолжская культура на стоянке Польцо // СА 3. 197–201.
- Цветкова Н. А. 2006. История изучения верхневолжской раннеолитической культуры // А. Н. Бессуднов (ред.). Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию В. П. Левенка. 13–16. Ноябрь. Липецк: Липецкий педагогический ун-т. 109–111.
- Цветкова Н. А. 2009. Каменный инвентарь верхневолжской раннеолитической культуры: проблемы изучения // ТАС 7. 187–190.
- Цетлин Ю. Б. 1980. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА 4. 9–15.
- Цетлин Ю. Б. 1982. Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII // КСИА 169.
- Цетлин Ю. Б. 1996. Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита (по данным изучения керамики) // ТАС 2. 155–163.
- Цетлин Ю. Б. 2004. Орнаментальные традиции в гончарстве носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье // В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева (ред.). Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб.: АкадемПринт. 207–213.
- Цетлин Ю. Б. 2007. О происхождении верхневолжской культуры // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. 5–10. Август. 2006. Йошкар-Ола. 197–208.
- Цетлин Ю. Б. 2008a. Неолит центра Русской Равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К.
- Цетлин Ю. Б. 2008б. Периодизация волго-окской раннеолитической культуры // А. Н. Сорокин (ред.). Человек, адаптация, культура. Тула: Гриф и К. 314–326.
- Цетлин Ю. Б. 2009. О процессе смены неолитических культур в центре Русской Равнины // С. А. Васильев (ред.). Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Н. Н. Гуриной. СПб.: Лема. 110–112.
- Шумкин В. Я. 1997. Дубовец (Пено 3) — поселение многократного заселения на оз. Пено (Верхневолжская система озер) // Каменный век Верхневолжского региона. СПб.: АкадемПринт. 169–211.
- Энговатова А. В. 1994. Неолитическая стоянка Усть-Тудовка 8 // ТАС 1. 58–62
- Энговатова А. В. 1998. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС 3. 238–246.
- Энговатова А. В. 2000. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // В. И. Тимофеев (ред.). Хронология неолита Восточной Европы. Тезисы докладов международной конференции, посвященной памяти Н. Н. Гуриной. 27–2. Ноябрь — декабрь. 94.
- Энговатова А. В., Жилин М. Г., Спиридонова Е. А. 1998. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья) // РА 2. 11–21.